

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АМЕРИКИ И ЕВРАЗИИ

Настоящее исследование¹ возникло в ходе работы над генетической классификацией языков Америки. В процессе изучения этого вопроса все более подтверждалось предположение о том, что все или по крайней мере большинство языков Америки имеют общее происхождение. Они образуют единую сеть, вполне отвечающую классическому представлению о диалектной дифференциации². Оказывается весьма вероятным, что связи американских языков базируются в основном на их общем происхождении из одной сравнительно однородной совокупности диалектов, существовавшей в отдаленном прошлом. Когда? При нынешнем состоянии изучения сравнительной фонологии американских языков методы глоттохронологии не позволяют исследовать эпохи древнее 10 тысячелетий. Но оказывается, что 10 тысячелетий занимает одна лишь история крупных языковых семей Америки: семьи пенутиа, макро-аптекской семьи, макро-карибской семьи и т. д. Ясно, что общие источники всех языков Америки должны быть намного более древними, но насколько, мы не знаем. Во всяком случае лингвистические данные не дают оснований отвергать ту весьма раннюю датировку, которую дает археология.

Как возникла современная дифференциация языков Америки? Гипотеза о проникновении лишь одного языка на американский континент и о его дальнейшем дроблении кажется маловероятной сама по себе и противоречит данным других наук. Наиболее вероятным представляется предположение, что в Западное полушарие проникла последовательными волнами некоторая совокупность диалектов и родственных языков, которая частично дифференцировалась еще до переселения и продолжала дифференцироваться в Америке. Когда существовал перешеек на месте Берингова пролива, проникновение этих языков в Америку проходило, по-видимому, в принципе так же, как распространение английского и французского языков в Северной Америке, — с побережья во внутренние области. Когда появился

Берингов пролив, он оказался некоторой преградой для контактов, но вряд ли большей, чем широкая река, болото или горный хребет.

При лингвостатистическом датировании мы пользуемся формулой $2t - 50$ для периодов дивергенции, превышающих 50 минимальных столетий. Поскольку сокращенные списки слов дают заниженную дивергенцию, введены следующие поправки: для списков, содержащих от 51 до 75 слов, умножаем результат на 1,1; а для списков, содержащих 50 слов или менее, умножаем результат на 1,2.

В результате применения указанных методов языка Америки подразделяются на 40 больших групп, а последние, расположенные в соответствии со степенью взаимного сходства, образуют непрерывную сеть. Полученная таким образом классификация не во всем совпадает с тем объединением языков, которое получается при применении других методов, но сходство результатов все же весьма значительно. Например, из шести групп, в которые объединил языки Северной Америки Э. Сепир, у нас представлено три, в частности эскимосо-алеутская и надене. Каждая из остальных семей Э. Сепира у нас распадается на несколько групп, но при этом группы, входящие по Сепиру в одну семью, и у нас оказываются близкими друг к другу (т. е. имеющими дивергенцию меньшую, чем языки, принадлежащие, по Э. Сепиру, к разным группам).

На определенном этапе работы по классификации языков Америки возникла необходимость оценить их связи с языками Старого света. Были найдены языки, отдаленные от Старого света сравнительно небольшой дивергенцией — в пределах 42—50 минимальных столетий. В результате мы должны были констатировать существование большой языковой группы первого порядка, которая названа дене-финской (Finnodennean) по названиям двух пространственно наиболее отдаленных членов этой группы языков: языков дене (атапаскских) в Америке и финно-угорских языков в Евразии. В числе дене-финских языков оказались кетские, урало-алтайские, чукотско-камчатские, эскимосо-алеутские, вакашские, на-дене, японские, кутенай, айско-нивхские, корейский, китайские и тибето-бирманские. Родство между многими из этих языковых групп было установлено раньше другими исследователями. Мы добавили лишь некоторые детали, в частности непрерывность цепи китайские—тибето-бирманские—на-дене—вакашские и т. д., а также впервые включили в этот круг язык кутенай. Языковые связи между северными группами дене-финских языков изучались автором больше, чем между южными, ибо первые были обнаружены раньше. Заметим, что связи языков Америки с австралийскими и малайско-полинезийскими языками, предполагавшиеся транстихоокеанскими гипотезами Поля Риве, не подтвердились³.

Констатация существования дене-финской группы языков, образующей континуум из 13 подгрупп, основана на том, что для каждой пары соседних групп совпадение корней в диагностическом списке составляет не менее 22⁰/₀. В большинстве случаев мы могли оперировать полным или почти полным диагностическим списком. В тех немногих случаях, где в нашем распоряжении были лишь 75 или менее слов диагностического списка, мы, разумеется, вносили соответствующие поправки. Суждение о родстве слов основано на сравнительно-исторической фонетике, которая для одних групп языков разработана полнее, а для других носит еще характер предварительных предположений. Более того, поскольку одни и те же родственные слова встречаются в разных группах дене-финских языков и поскольку известна их история в каждой из групп, мы во многих случаях могли отличить действительное родство от внешнего сходства генетически различных корней. Все же во многих местах остаются неясности, и здесь еще предстоит много сделать.

Внутренняя дивергенция дене-финской семьи языков в целом составляет приблизительно 90 минимальных столетий: в таких наиболее далеких друг от друга языках, как бирманский и квакиютльский, как кетский и навахо, родственные корни составляют лишь 12⁰/₀ диагностического списка. Ниже приводим для иллюстрации сравнение между финским и квакиютльским языками, указывая реконструкции для дене-финского праязыка и предположительно родственные слова других языков⁴.

'язык (tongue)': фин. *kieli*, кв. *kl-m*, *дене-фин. **k'.l*. Удм. *kil*, морд. *kvel^v*, монг. *kelen*, дагур. *heli*, нен. *ha*, нутка *čur* (< *kulm), юк. *ulu* (< *qulu), нивх. *hilx* 'язык'; монг. *kele-*, дагур. *hele-*, эвен. *gun-*, эвенк. *gūpe⁵*, юк. *qaniG-*, ительм. *khenaksu-*, кут. *-kte* 'говорить, сказать'; нутка *'atiq-* (< **qatiq-*), инук. *kuyaGi-* 'словесно благодарить'; инук. и юк. *atiq*, алеут. *asya*, т. юкг. *kiyep*, хайд. *kiye*, кут. *-ktē-*, нутка *-k-ta*, нивх. *qha*, нан. *gerbu*, эвенк. *gerbūi*, эвен. *girbi* 'имя'; нутка *'imt* 'имя', 'пронеть слова песни', кв. *qmt* 'петь', хайд. *khitqa* 'язык (language)'. Ср. также и.-е. **g.l* в греч. γλῶττα 'язык', **s-k.l* в нем. *schelten*, англ. *scold* 'ругать' и **g.r* в лат. *garrī-re* 'болтать'.

'кто': фин. *kuka*, кв. **n-k^{wa}*, дене-фин. **k^w*. Хлц. **a-k^{wi}*, тюрк. *kim*, дагур. *hen*, эвенк. *ēkun*, венг. *ki*, мар. *ku*, манс. *hoh^{ha}*, исп. *hib^{va}*, юкг. *kin*, чук. *mi-kin-*, коряк. *ma-ki*, ительм. *ke*, алеут. *kīn*, юк. и инук. *kina*, кет. *ani*, нивх. *ap*, кут. *qata* 'кто'; нутка *q^{wi-}*, хайд. *kus*, айн. *hemata*, кет. *aks^v*, ительм. *in-qa*, алеут. *qata* 'что'. Ср. и.-е. **k^w*. в лат. *quod*, англ. *what*, лат. *quis*, англ. *who*.

'ходить': фин. *kävellä*, кв. *qhas-*, дене-фин. **q.š*. Тур. *gez-*, мар. *ašked-*, манс. *kaye-*, юкг. *hon*, кет. *ōn*, алеут. *aka-*, кут.

-qāqācē-, хайд. *qha-*, навах. -*kāt*, чпв. -*ga*, кор. *kā.r*, яп. *aruk* (< *qharu), айн. 'ahkas 'ходить'⁶; кв. *kaχ*, тур. *gel-*, юкг. *kelul*, ительм. *kilki-*, нан. *giagda*, коряк. *qiyathi-*, хлц. 'аqa, кут. *qōkān*, хайд. *ku'e*, навах. -*gāh*, чпв. -*gaih*, яп. *ku-* 'прийти'; дагур. *kuli*, кв. *kuk^w-yo*, чук. *gūka-*, ительм. *heiten*, алеут. *kitaq*, инук. *iti-gaq* (< *qhitika), удм. *kuk*, неп. *je* (< *n-qe), т. юкг. *ukurčen*, навах. -*khē*, чпв. -*khä*, айн. *kema*, нивх. *ñit^v-x* 'пога (foot)'. Ср. н.-е. **gh.y* в нем. *gehen*, англ. *go* 'идти'. Некоторые из слов со значением 'прийти' в дене-финских языках могут происходить из **q^w.(m)*, в н.-е. **g^w.m*, как лат. *veni-re*, гот. *qiman*, англ. *come*.

'вода': фин. *vesi*, кв. *wa-p*, дене-фин. **w.t*. Хлц. *w^h-m*, мар. *wüt*, манс. *wit*, неп. *i'(d)*, *wit*, нган. *beda*, энецк. *bido-*, морд. *ved^v*, венг. *víz*, дагур. *ose*, юкг. *uče*, кет. *uly*, ительм. *i'*, кут. *wu'u*, айн. *wahka* 'вода'; кв. *wa* 'река'; манс. *wōl^v*, неп. *wāy* 'участок реки'; эвенк. *udun*, юк. *ivyig-* (либо восходит к эксфигированной форме **i-wiyiq-*, — об эксфиксах см. ниже, стр. 287, — либо вообще сюда не относится), кут. *waŋoqkut*, сев.-кит. *ü* 'дождь'⁷. Ср. н.-е. *(*s*)*w.d* в греч. *ὕδωρ*, англ. *water* 'вода' и т. д.

'мясо': фин. *liha*, кв. 'ls, дене-фин. *(*l*)*qš*. Нан. *ulikse*, эвенк. *ullä*⁸, эвен. *ulrə*, алеут. *uluq*, кут. -*utaks*, яп. *nīku* 'мясо', 'плоть'. Ср. также гот. *leik* 'тело', нем. *Leiche* 'труп'.

'рот': фин. *suu*, кв. *s-ms*, дене-фин. **š.w.*, Манс. *sūr*, венг. *száj*, нутка -*čiq-*, кут. -*tma-*, навах. *si-*, -*zē*, чпв. -*dá*, айн. *čaru*, сев.-кит. *cuei*⁹, бирм. *ba-zat* 'рот'¹⁰; неп. *sɔ*, алеут. *čūqaq*, саам. *čuwwe* 'горло'; нутка -*aq-sut* 'рот, отверстие'; нутка -*sut* 'глаз', 'маленькое отверстие'; нутка -*čū* 'внутри'; хайд. *su*, фин. *sa-noa*, удм. *šui-*, тур. *söyle-*, сев.-кит. *šue* 'сказать'¹¹; тлинг. *sa*, навах. -*ši*, чпв. -*Nzi* (может быть, из древнего сочетания *n-šew 'в' + 'рот') 'имя'. Ср. англ. *swallow* 'глотать', н.-е. **sw.r* 'говорить' в англ. *an-swer* 'отвечать', гот. *swaran*, нем. *schwören*, англ. *swear* 'клясться', **sw.n* в лат. *sonus*, санскр. *svanaḥ* 'звук, шум', лат. *sonā-re* 'издавать звук', **sw.r* с потерей начального *s, ретимологизированного как префикс, в нем. *Wort*, англ. *word* 'слово'.

'перо': фин. *sulka*, кв. *člčlk*, дене-фин. **c'lk* как вариант **t.nk*. Хлц. *člk-m*, инук. *suluk*, навах. *c'os*, морд. *tolga*, удм. *tili*, венг. *toll*, тур. *tüy*, нан. *degdeče*, эвенк. *dektenne*, исп. *to*, *tar*, чук. *teñi-lgñ*, кор. *thar*, сюри *tuinukī*, айн. *rah*, чпв. *t'a*, мтл. -*t'a*, тлинг. *law*, хайд. *t-tanqa*, тибет. *dab-ma*¹² 'перо'; нган. *t^vu*, камас. *thū*, энец. *tiovo* 'крыло'; саам. *sāgye* 'крыло', 'рука'; венг. *szőr*, тур. *saç*, кв. *sya*, хайд. *qha-či*, навах. -*chi* 'волосы'; кв. *čik^wa*, тлинг. *šuck*, алеут. *saq*, монг. *šubu*, кет. *keņas-sen*, навах. *čitī*, кор. *shā*, айн. *čikap*, удм. *tīlo-burdo*, манс. *tow-liŋ*, дагур. *deī*, эвен. *dəgi*, неп. *tirt^va*, инук. и юк. *tiŋ-miaq*, яп. *tori*, кут. *tuq-sqamna*, чпв. *tč'tani*, хайд. *xe-thit* 'птица'; т. юкг. *čente*, мар.

çopešt-, тур. *uç-*, фин. *len-tää*, дагур. *derede*, нан. *degdeu-*, эвенк. *dæg*, эвен. *dæg*, нен. *ti-*, кет. *tayd*, чук. *riye-kvet-*, коряк. *yipa-*, юк. *tiŋi-*, инук. *tiŋmi-*, яп. *tobu*, навах. *-l'a*, мтл. и чпв. *-l'a*, тлинг. *tuł* 'лететь'. Чередования согласных, в частности *t ~ *c', будут рассмотрены ниже.

'шея': фин. *kanla*¹³, кв. *q̄iŋiŋa*, дене-фин. *q^{no}.w. Морд. *korga* ~ *kirga*, инук. *qura-siq*, дагур. *hužū*, совр. монг. *hüzū*¹⁴, коряк. *'inün* (<*q̄in), чук. *'itin*, ительм. *xōwm̄in*, нен. *ik*, кут. *-kōkāk*, навах. *-k'os*, чпв. *-k^{mo}oŋ*, яп. *kubi*, айн. *re-kuh*, нивх. *qhos* 'шея'; чпв. *-gul*, др.-тибет. *m-gul*, айн. *kut* 'горло'. Ср. также лат. *collis*, нем. *Hals* 'шея'.

'ноготь': фин. *kynsi*, кв. *qec-m*, дене-фин. *q.nc. Мар. *küč*, манс. *kos*, морд. *kenže*, удм. *giži*, нен. *hadá*, сельк. *kače*, шган. *katu*, нан. *hosakta*, эвенк. *os'ikta*, дагур. *humese*, инук. *kukik*, алеут. *qagalgiq*, путка *čatča* (<*kačka), чук. *'alqip* (<*qalqip), кут. *-kukp*, навах. *-khés-kān*, чпв. *-kan-*, нивх. *tikñ* (<*tīt-k.ni, ср. *tot*, *tīmk* 'рука') 'ноготь'; путка *'it-* (<*q̄ilt), инук. *qisuk-* 'чесать'. Ср. и.-е. *gl.w в нем. *Klaue*, англ. *claw* 'коготь', *gr.d в нем. *kratzen*, англ. *scratch* 'чесать'.

'сказать': фин. *sa-noa*, кв. *nik*, дене-фин. *n.w. Манс. *law*, нан. *umbu-* (может быть, из *unu-pu), навах. *ní*, чпв. *-ni* 'сказать'; путка *nu-* 'петь'; алеут. *tunu-* (<*nunu?) 'сказать'.

'звезда': фин. *tähti*, кв. *tuŋu*, дене-фин. *t'.st'.w. Путка *latūs*, хлц. *latuŋa*, морд. *t'esiŋe*, алеут. *sdaq*, чпв. *t'pén*, бирм. *če*¹⁵ 'звезда'; эвенк. *togo*, нен. *tava*, эвен. *tog*, венг. *tűz*¹⁶, нен. *tu*, мар. *tul*, фин. *tuli*, морд. *tol*, удм. *tīl*, сельк. *tī*, хайд. *ča'ano* 'огонь'; чпв. *-tū*, навах. *-tō* 'горячий'; др.-тибет. *droba* 'теплый'. Ср. и.-е. *st.r 'звезда' (может быть, из сибирянского удвоения *c.t.r) в греч. *ἀστὴρ*, лат. *stella*, англ. *star*, возможно, также и.-е. *d.w в англ. *twinkle* 'мерцать'.

'дорога': фин. *tie*, кв. *lx-*, дене-фин. *t'.kh. Путка *ias-*, неп. *tōhōrī*, дагур. *teregule*, чук. *ret* (из удвоенного *tetteqh), юк. *tuma*, кол. юкг. *čuko*, алеут. *taka-luq*, навах. *'a-thīn*, чпв. *'ä-then-ä*, тлинг. *tē*, яп. *(mi)ti*, айн. *rū* (<*tū), нивх. *tif* 'дорога'; хайд. *la-*, кв. *lip-* 'шагать, ступать'; ительм. *tlale-*, чук. *tīle-*, хлц. *twa*, нитинат *lī-*, сев.-кит. *čeu*¹⁷ (может быть, из ассимилированной формы корня), бирм. *souk*¹⁸ 'ходить'. Это, возможно, тот же корень, что и последующий (фин. *seiso-*, кв. *lax^{no}*): 'дорога' семантически восходит к 'ходить', а 'ходить' связано со значением 'стоять'. Ср. нем. *treten*, англ. *tread*.

'стоять': фин. *seiso-*, кв. *lax^{no}*, дене-фин. *t.q^{no}. Манс. *tuñs'*, мар. *šinžu-*, саам. *čuožžu-*, хант. *t'ot^{no}*, путка *lakiš-*, тур. *dur-*, коряк. *tvit-*, чук. *(-t)watča-*, яп. *tat-*, кор. *sal'..s*, айн. *'etaras*, хакка *dīr-*, сев.-кит. *čān*¹⁹, бирм. *tha'*, куки²⁰ *dīr* 'стоять'²¹, мтл. *ti-* 'стоя'; путка *liq^{no}*, фин. *istua*, мар. *šinže-*, тур. *otur-*, дагур. *sau-*, нан. *tēsinnu-*, эвенк. *tegetče-*, эвен. *tigindī-*, кет. *da-sešti*, навах. *-tā*, чпв. *-ta*, яп. *suwar-*, айн. *roh*, нивх. *thiv-*, сев.-кит. *cuč*²²,

бирм. *thayn*²³ 'сидеть'; яп. *de-* 'быть'. Ср. и.-с. *s-t-x в санскр. *tiṣṭhā-ti*, греч. ἵστημι, лат. *stā-re*, англ. *stand* 'стоять'.

Десять тысячелетий — достаточный срок для весьма существенных изменений в значении и звучании корней. В результате семантических изменений почти 90% слов диагностического списка в финском и квакиютльском языках не родственны. Рассматривая эти и другие родственные языки, мы вновь встречаем те же корни, но с новыми значениями. Совпадение значений ряда слов в родственных языках может объясняться не только сохранением семантики дене-финского праязыка, но и параллельным развитием одного значения. Наличие родственных слов в значении 'путь' в квакиютльском и финском языках может быть результатом параллельного словопроизводства от корня в значении 'идти'. Другие соответствия могут быть региональными, восходить к периоду, когда сравнительно однородный язык уже распался на местные диалекты и родственные языки. Так можно объяснить близость некоторых форм сходного значения, например лутка *'atiq* 'выражать благодарность' и в эскалеутских языках: эским. *atiq*, алеут. *asya* 'имя', если предположить их общее происхождение из значения 'звать (call out)'. О некоторых семантических изменениях мы никогда не сможем догадаться, а некоторых нельзя будет доказать, даже если их предположит какой-нибудь компаративист. Например, кв. *wta* 'холодный' может быть генетически тождественно леси. нен. *wit* 'вода', эвенк. *uḍup* 'дождь', кв. *wa* 'река' и *wa-p* 'вода', возможно, в связи с тем, что водные потоки и дождь в полярных странах очень холодные, но такая гипотеза остается лишь весьма гадательной, если только подобное семантическое развитие не будет прослежено во многих языках.

Звуковые различия сравниваемых слов часто можно объяснить регулярными звуковыми изменениями, как независимыми от позиции, так и комбинаторно обусловленными. Эти изменения можно доказать, собрав достаточное число примеров для каждого соответствия. Некоторые позиционно обусловленные изменения показать труднее других. Это касается в особенности полного исчезновения звука, например, в конце слова или на стыке с согласным аффикса. Особенно трудно доказать, если от древних звуковых компонентов корня осталось так мало, что неясно, какой здесь корень, или в случаях, когда корни появляются в разных языках с разными аффиксами, выглядящими как часть корня. Сравнение финского и квакиютльского слов в значении 'звезда' основано на весьма вероятном предположении, что в исходном *t.w*, если он подвергся удвоению или инфиксации и в результате второй согласный корня переместился на третье место, последний согласный может в конечной позиции отпасть (если только не было суффикса или если последний согласный не слился с корневым гласным). Конечное *w* отражено в вакаш-

ском, где оно слилось с предыдущим гласным в *й*, в путка, где был конечный суффикс *-s* и в языке хайльцук, где был суффикс *-'a*. В финно-угорских, утративших удвоение как продуктивное морфологическое средство, конечный согласный корня отнадал особенно часто. Неудвоенные варианты (в значении 'огонь') сохранились лучше. Удвоение в значении 'звезда' могло иметь дистрибутивную семантику, символизирующую разбросанность звезд по небу.

Установление этимологий затрудняется также контаминацией форм или семантическим поглощением. Примером может служить корень **n.m* 'имя' в ряде дене-финских языков и его вариантная форма **n.w*, обнаруженная по крайней мере в кол. южг. *niv* 'имя' и в венг. *név*²⁴ 'имя'. Хотя здесь мог произойти и регулярный фонетический переход *t* в *w* (в соответствии со звуковыми законами), могло сыграть роль и притяжение корня **n.w*, представленного в путка *ni-* 'петь', фин. *sa-noa* и манс. *law* 'сказать'. Возможно, венгерский и юкагирский изменили **n.m* в *n.w* под влиянием корня **n.w*, значение которого (видимо, 'звать') казалось связанным с 'имя'. Это же изменение можно понимать как поглощение корнем **n.w* функций, первоначально присущих корню **n.m*. Чтобы решить, какое объяснение лучше соответствует историческим фактам, нужно знать что-то о культуре и манере мышления и восприятия действительности у соответствующего народа в ту эпоху, когда происходило изменение. Пока эти вопросы не разрешены, мы можем в предварительном порядке рассматривать венг. *név* либо как **n.m*, либо как **n.w*, указывая на существование и другой возможности, либо можем рассматривать **n.w* как фонетический вариант **n.m*. Исследователи вынуждены признать, что в некоторых случаях возможно двойное решение вопроса. Они надеются, что некоторое количество неточных суждений об отдельных фактах не сможет исказить существо заключения, основанного на большом материале.

СТРУКТУРА

Языки гипотетической дене-финской семьи отнюдь не однородны типологически, хотя некоторые из сравниваемых групп языков обнаруживают существенное сходство. Возникает два вопроса. Во-первых, могут ли языки, столь различные по структуре, иметь общее происхождение? А если да, то как могли они дифференцироваться столь далеко?

Нет сомнения, что структура языка как правило изменяется очень медленно. Однако нельзя отрицать, что возможны и коренные изменения — либо в результате накопления целого ряда небольших изменений, либо под влиянием соседних языков за сравнительно короткое время. Если английский язык прошел длительный путь от флективного строя до строя, близкого к изолирующему, родственный ему литовский сохраняет и сейчас

в значительной мере древнюю индоевропейскую флективную структуру. Это пример длительного раздельного развития. А вот другой случай: два близкородственных тохарских языка по-разному выражают синтаксические и пространственные отношения: один предлогами, другой послелогами; это серьезное различие в структуре, возможно, объясняется тесными контактами одного из тохарских языков с тибетским. Вообще говоря, структурные изменения, объясняемые диффузией языков, ограничены и меняют структуру лишь в некоторых деталях, оставляя неизменной основную часть грамматики. С другой стороны, спонтанные изменения, происходящие без внешних влияний, протекают медленно. Однако накопление изменений (как контактного происхождения, так и спонтанных) может сделать родственные языки очень различными по строю. Следовательно, структурные различия в дене-финских языках в принципе не опровергают нашей гипотезы родства, и все же проблема эта не может быть оставлена без внимания. Нужно определить, совместимы ли особенности морфологии разных дене-финских языков с гипотезой их общего происхождения.

Наибольшие морфологические различия обнаруживают между собой вакашские языки и языки ка-дене (атапаскские и тлингит): если в вакашских языках много суффиксов и совсем нет префиксов, в языках ка-дене мало суффиксов, но очень развита префиксация. Тем не менее обе группы языков обнаруживают следы общего происхождения. Среди немногочисленных суффиксов ка-дене четыре суффикса имеют соответствия в вакашских языках. В обеих группах языков есть реляционные послелоги, часто со сходной семантикой: например, в атапаскском языке маттоле послелоги означают 'в', 'у', 'от', 'с чем-либо', 'без', 'для', 'к', и такие же значения имеют вакашские послелоги; некоторые другие послелоги маттоле переводятся в вакашском языке нутка комбинацией двух суффиксов. Некоторые служебные морфемы обеих групп языков, весьма возможно, родственны друг другу: мтл. *-t* 'с (with)' || нутка *-it* 'в отношении'; мтл. *-k'e* 'на' || нутка *-či* < вакаш. **-ki* 'у', 'в', 'на'. В языках ка-дене распространена реляционная или деривационная морфема, восстанавливаемая в виде **-yi* (а также, возможно, **-i*). Ср. в нутка *-yī* и *-i* 'тот, который'. Аналогичный суффикс *-i* есть в корейском. В глагольной основе атапаскские языки, очевидно, сохраняют древние видовые суффиксы, составляющие типологическую параллель с системой глагольных видов вакашских языков. Среди этих суффиксов *-t* (прогрессив) идентичен по форме окончанию итератива в нутка.

Подобно кетскому, китайскому, нивхскому и японскому языкам вакашские языки содержат классификаторы (счетные слова или морфемы при числительных), различающие длинные, круглые предметы, людей и т. д.; в языке хайда (группа на-дене) такую же

роль выполняют префиксы. Существование подобной типологической особенности в разных языках по обе стороны Тихого океана позволяет думать о ее архаичности, тем более что в других дене-финских языках есть мультипликативный суффикс (соответствующий русскому слову 'раз' после числительных). Некоторые из морфем этого значения, возможно, родственны: кв. *-p̄n*, нутка *-p̄it*, яп. *-pen* 'разы' (некоторые японские классификаторы могут быть заимствованием из китайского, но это не снимает возможности общего происхождения), сев.-кит. *-fen* 'частицы, доли', нивх. *-fat* 'части'; нутка *-qim̄t*, кв. *-sqm̄*, нивх. *-qr* (классификатор круглых предметов), хайд. *-t-kam-* (классификатор больших круглых предметов), *-s-kha-* (классификатор маленьких круглых предметов), *qai-* 'куски, глыбы', *qa-* 'широкие предметы', возможно, и яп. *-ko*, сев.-кит. *-ke* (наиболее общий, немаркированный классификатор), яп. *-ken* (классификатор для зданий), нивх. *-x*, сев.-кит. *-ken* (классификатор длинных предметов), нутка *-č̄it* 'дни'; сев.-кит. *-ch̄ir* 'разы', нутка *-čiq* 'палки, точки', кв. *-čq* (классификатор длинных предметов), хайд. *s̄qa-* (классификатор палок и длинных предметов); нивх. *-rax* (классификатор тонких предметов), нивх. *rāk* 'разы', яп. *-do*, югк. *-če*, чук. *-ča*, алеут. *-sim* 'разы'. В языках ка-дене отсутствует широкое употребление классификаторов, но есть его следы. При счете людей в языке тлингит используется суффикс *-naχ*, близкие морфемы есть в некоторых атапаскских языках. С этим суффиксом сходны *-nip* в японском, *-n ~ -r* в нивхском, а также корень со значением 'человек' в атапаскских языках (*te*)-*ne*, нап. *pay*, нивх. *n̄ivx*, сев.-кит. *r̄en*, бирм. *lu*, хайд. *pay*; в значении 'мужчина' кор. *nam-za*, сев.-кит. *n̄an-r̄en*, возможно, также слова со значением 'женщина': фин. *nainen*, манс. *n̄ē*, венг. *n̄ő*, нем. *ne*, яп. *onna*, сев.-кит. *n̄ü*. Кроме того, остатки древнего классификатора **q* содержатся в первых четырех числительных в языке тлингит и в атапаскских: тлинг. *l̄i-q̄*, *t̄i-χ*, *nač-k*, *ta-q̄un*, мтл. *l̄ai-ha'*, *na-kh̄ē*, *t̄ak-k'e*, *tin-c̄'e* (мтл. *c̄'* регулярно из **k*). Это мог быть общий классификатор, подобный сев.-кит. *-ke*. Дополнительное косвенное свидетельство — это существование в атапаскских языках ряда глагольных корней, обозначающих движение предметов или операции с предметами определенной формы — тот же принцип классификации предметов, что и при счетных словах и счетных аффиксах (классификаторах). Вполне возможно, что такой тип глагольных корней возник в ту эпоху, когда классификация предметов по форме использовалась при числительных.

Ряд фактов свидетельствует о позднем происхождении суффиксальной системы вакашских и эскимосских языков, как и префиксальной системы языков на-дене. Прежде всего, многие префиксы-классификаторы в хайда родственны суффиксам-классификаторам в других языках. Далее, аффиксы соответствуют корням в других дене-финских языках. Более того, те же морфемы

выступают в одном и том же языке как корень и как аффикс: нутка корень *si-*, суффикс *-si*, мтл. корень *šī*, префикс *ši-* 'я'; нутка *nīwa* и *-ni* 'мы', мтл. *puhnīy* 'мы' или 'вы'; нутка *yī* 'вы', *yā* 'тот', *yaq^w* 'тот, который', мтл. *yī* — 3-е лицо и вышеупомянутые суффиксы обеих групп языков; хупа *χa-* 'идуший для', мтл. *ki-* 'продолжающий', навахо *-kāt* 'ходить', *-gáh* 'прийти', кв. *qhas-* 'ходить', *kaχ* 'прийти', *kl-* 'ходить на четвереньках', *-kl-* 'в движении'; мтл. *si-* и *s-sa-*, кв. *s-ms*, *-χ-st*, нутка *-ak-sut* 'рот'; мтл. *nā-* 'снова', нутка *nā'u* 'следующий', кв. *-naχ^wa* 'время от времени'; мтл. *nā-*, *-nāk-* 'глаз', нутка *ñac-* 'видеть', *-ñaqit* 'находить'; мтл. *gi-* — префикс перфектива, нутка *-ki-λ* — формант вида моментального действия; мтл. *tī-* 'вместе', *-t* 'с', нутка *-it* 'в отношении'; мтл. *tah-*, кв. *-χto* 'сверху (on top)'.

Для выявления древних элементов важно сравнить между собой префиксы разных дене-фипских языков, в том числе на-дене. Тибето-бирманское и древнекитайское каузативное и транзитивное *s-*²⁵ может быть родственно атапаскскому транзитиву на *-t-*. Префикс *k-*, образующий прилагательные и существительные в тибето-бирманских и китайском, можно сравнить с именным *āk-* в языке кутенай. В чукотском и атапаскских языках отметим следующие совпадения: чук. *nī-*, атап. *ni-* — префиксы, образующие прилагательные, ср. также кут. *n-* (морфема при сказуемом); чук. *r-* или *t-* 'я', атап. *tī-* и *-t* 'мы'; чук. *ga-* (прошедшее время), мтл. *gi-* (перфектив); чук. *ra-* (будущее время и деизидератив), мтл. *tī-* (инцептив); чук. *ta-* 'делать' или каузатив, мтл. *ta-* 'закончить'. Чукотские морфемы в этих сравнениях составляют значительную часть ограниченного инвентаря префиксов этого языка. Сравнивая языки на-дене и кутенай, находим: тлинг. *si-* (дуратив), атап. *si-* (дуратив-перфектив), кут. *si-t-* (дуратив); тлинг. *t-* (репетитив или множественность объектов действия), кут. *ta-* (репетитив), 'at (мн. число); атап. *-n-*, кут. *hi-n-* (2-е лицо субъекта).

Эти факты (а может быть, и многие другие, для нахождения которых требуется более тщательное исследование вопроса) указывают, видимо, на общую этим языкам древнюю структуру, характеризующуюся употреблением как префиксов, так в особенности и суффиксов. Могло существовать и словосложение: действительно, почти все дене-фипские языки активно используют словосложение, а многие современные аффиксы произошли из корней, употреблявшихся в словосложении. Современные структуры языков возникли в результате преимущественного развития суффиксации или, наоборот, префиксации: по первому пути наиболее далеко пошли эскалеутские и вакашские языки, по второму — языки на-дене. Айнский сохраняет некоторое количество суффиксов и не имеет префиксов. Нивхский и кетский префигируют местоимения или располагают их впереди глагола, а в остальном оказываются умеренно суффигирующими языками. Урало-алтайские — также умеренно суффигирующие, но они

суффируют и местоимения. В японском употребляются суффиксы и послелоги. В современном китайском есть только послелоги, но есть следы существования в древности префиксов и суффиксов. Кутенай и тибето-бирманские используют как префиксы, так и суффиксы.

Во многих языках есть следы древнего словоизменения имен существительных по числам и падежам, а также, возможно, следы местоименных притяжательных морфем. Современные языки не все имеют категорию мн. числа, но во многих языках она есть (по крайней мере в местоимениях или в других ограниченных областях языка). В китайском языке мн. число есть только у местоимений; образуется оно с помощью элемента *-men*, может быть, родственного нутка *-min-H* (факультативный аффикс), фин. *moni* 'много', южг. *meveli*, венг. *mind* 'все', алеут. *a-mnauiq* 'много', а также серии индоевропейских корней, представленной лат. *mult-*, нем. *manche*, англ. *many*. В японском есть суффиксы мн. числа (например, *-tati* для местоимений и частично для существительных, обозначающих людей, и *-ra* для указательных местоимений). В бирманском языке *-dou* служит суффиксом мн. числа для местоимений. Эти морфемы связаны, возможно, с независимыми корнями, например, с сев.-кит. *tēu* 'все', *tuē* 'много'. В вакашских языках мн. число обычно факультативно и обозначается легко отделяемыми аффиксами, например нутка *-minH* и кв. *-x-ta'x^w*, но в нутка аффикс мн. числа регулярно употребляется при местоимениях и часто, хотя и не обязательно, при некоторых существительных, обозначающих людей. В хайда и в языках ка-дене мн. число есть лишь у местоимений. В эскимосских, чукотско-камчатских, айшском, урало-алтайских и кетском языках существует мн. число, а иногда также дв. число, образованные простым суффиксом в конце слова.

Что касается способа выражения мн. числа в период древнего дене-финского единства, факты как будто бы заставляют предполагать агглютинативную суффиксацию, как в вышеназванных языках. Но некоторые факты позволяют думать и о другой возможности. Можно, видимо, установить соответствие некоторых нерегулярных форм мн. числа в эскимосском языке и инфиксацией *-t-* в нутка. Это явление в эскимосском описано Ульвингом (1953) как «чередование ступеней согласных» (consonant gradation), но можно предположить и иное: это чередование возникло в результате слияния корневого согласного с инфиксом *-t-*. Ср., например, нутка *tātña* (мн. ч. от *taña* 'ребенок') с эск. *nannut* (мн. ч. от *naniq* 'белый медведь'); слияние **tn > nn* не только возможно в прищине, но и весьма напоминает обычные в эскимосской фонологии процессы. Аналогично происхождение мн. числа в таких случаях: *tuluwaq* (< **tulugaq*) 'ворон', мн. ч. *tulukkat*; *amiq* 'кожа', мн. ч. *ammit*; *qiyaq* 'поздря', мн. ч. *qiyat*; *iši* 'глаз', мн. ч. *iššit*; *putuguq* 'большой палец ноги', мн. ч. *putukkut*.

В некоторых сочетаниях *-t-* сохраняется: *ukalig* 'кролик', мн. ч. *ukatlit*; *nasag* 'капюшон', мн. ч. *natsat*; *nuyaq* 'волос на голове', мн. ч. *nutsat*. Идентификация этих форм как происходящих из инфиксации форманта мн. числа затруднена тем, что измененная форма служит не только мн. числом, но и подчиненным падежом и что частично сходные чередования обнаруживаются и в сочетании с другими аффиксами. Другая трудность в том, что геминации подвергаются не только глухие согласные: ср. *nigag* 'силок', мн. ч. *niggat* и *savik* 'нож', мн. ч. *savvit*. Однако все это можно объяснить аналогическим распространением древней системы, а частично также присутствием других инфиксов и опрощениями. Самая же главная трудность в том, что инфикс *-t-* обнаруживается лишь в двух соседних группах дене-финских языков. Хотя чередование ступеней согласных известно и финно-угорским языкам²⁶, оно не связывается там специально с мн. числом, оно может быть связано, полностью или частично, с инфиксацией, но не обязательно с инфиксом мн. числа. Следовательно, если инфикс мн. числа и древен, это может быть местное явление, существовавшее лишь в части диалектов дене-финского языка.

Видимо, все группы дене-финских языков имеют суффиксированные или послеложные реляционные морфемы. Некоторые языки имеют, кроме того, падежные окончания, отличающиеся большей связанностью с основой. Так, в эскимосском различают синтаксические и наречные падежи, а в сравнительном финноугроведении признается наличие первичных и вторичных падежей. Поскольку почти несомненно существование общей тенденции превращения компонентов словосложения в свободные аффиксы и далее в аффиксы, теснее связанные с основой, трудно доказать, что дене-финский язык уже имел тесно связанные с основой аффиксы. Однако представляется вероятным, что такая тенденция действовала длительное время и более поздние образования индуцировались присутствием реляционных аффиксов в конечной позиции. Некоторые из них могли в период дене-финской общности быть уже не связаны с генетически тождественными им независимыми корнями.

Аналогичные проблемы возникают в связи с местоименно-притяжательными суффиксами имени, которые характерны для урало-алтайских, чукотско-камчатских, эскалеутских и вакапских языков, но в других языках (кетском, нивхском, китайском, тибето-бирманских) вытеснены префиксами и отдельными местоимениями, находящимися перед именем; в языке кутенай местоименно-притяжательное значение выражается префиксами в одних лицах и суффиксами в других.

Вообще говоря, глагольное личное спряжение в дене-финских языках частично или полностью сходно с употреблением местоименных притяжательных морфем при имени. Это привело некоторых ученых к мысли, что глаголы можно рассмат-

ривать совершенно так же, как имя: 'я бегу' выражалось бы тогда как 'мой бег'. Эта концепция, сформулированная для некоторых языковых семей, может быть применена ко всему рассматриваемому кругу языков.

Времена и наклонения в разных языках могли создаваться двумя путями. Один — употребление непосредственно при корне аффиксов, выражающих идею ожидания или будущности, прошедшего времени, предположительности, возможности и пр. Другой путь — употребление вспомогательных корней, к которым присоединяются личные окончания и которые сами постепенно превращаются в аффиксы. Употребление вспомогательных глаголов в японском и чукотско-камчатских языках — это один из этапов второго пути. Глагольное спряжение в эскимосском представляет завершение того же процесса, но система здесь столь регулярна, что можно думать о сравнительно поздней эпохе ее образования. В вакашских языках присутствуют обе стадии: так, наклонение косвенной речи выражается посредством суффикса *-we'in*, к которому присоединяются личные окончания, но при этом существует и отдельное слово *wāy-in* 'said' или 'it is said'. В квакиютльском языке есть независимый корень *q-* для выражения зависимого наклонения²⁷, тогда как в нутка тот же корень уже превратился в суффикс зависимого наклонения *-qa*. Соответственно в квакиютльском языке условное наклонение выражается словом *qu*, в нутка — суффиксом *-qū*. Источниками вспомогательных глаголов могут быть корни указательных местоимений, корни, указывающие положение, и т. п. Так же, как английский язык использует для выражения зависимого наклонения бывшее указательное местоимение *that*, и вакашские могли развить морфему зависимого наклонения из древнего указательного местоимения — с тем отличием, что к этой морфеме присоединяются личные окончания. Японское предикативное *-de* (при имени в функции сказуемого) может быть связано с *tat* 'стоять'. Как уже отмечено, корни со значением 'сказать' образуют наклонение косвенной речи в нутка .

ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОРФЕМЫ

Нам остается еще рассмотреть свидетельства древнего употребления удвоения и символического чередования морфем. Но прежде перечислим сопоставления, касающиеся грамматических морфем.

Множественное число на *-t* в финском, мордовском, мансийском, хантыйском и эскимосских; на *-n* (из **t* в конечном положении) в алеутском и некоторых эскимосских диалектах; на *-n* в кетском (*-in* для некоторых слов, см. ниже); на *-d* в монгольском, *-ta* в маньчжурском; инфикс мн. числа *-t-* в некоторых существительных, обозначающих людей, в нутка,

а также, возможно, инфикс *-t- в эскимосском; мн. ч. на -*utar* в айнеком; суффиксы мн. числа -*tati* (при личных местоимениях) и -*ra* (при указательных местоимениях) в японском; -*dou'* (при личных местоимениях) в бирманском; атапаскское (например, в навахо) дистрибутивное мн. число на *ti-* у местоимений. Некоторые из этих морфем (может быть, и все) можно сравнить с самостоятельными словами: кит. *tuē* 'много', удм. *tros*, мар. *šuko*, венг. *sok*, тур. *çok*, ительм. *divna*, яп. *taku-san*, айн. *renkayne*, нивх. *tam-* 'много'; кит. *tēu*, юк. *tamaq*, нивх. *sik*, тлинг. *t-takhat* 'все'. Ср. также лат. *tōtus* (из **t.w*) 'весь'.

Двойственное число: эским. -*k*, алеут. -*g*, манс. -*g-*, хант. -*g̃in*; мн. ч. на -*k* в венгерском и саамском и в некоторых случаях в финском, ижорском и мордовском; чукотское мн. число местоимений на -*k*; в путка мн. число императива на -*č*, нерегулярное конечное -*H* во мн. числе при некоторых суффиксах; тлинг. мн. ч. -*min-H*; тлинг. -*χ*, указывающий, что действие происходило в нескольких местах; кет. -*iy* (< **-n-q*); нивх. мн. ч. -*ku*; кут. мн. ч. -*ik*, -*ēk*. Ср. мн. число на -*ki* в алгонкинских языках. Ср. и.-е. собирательное *-*x* (отражающееся в конечном долгом *-*ā*) в им. падеже мн. числа ср. рода и в собирательных именах, поглощенных жен. родом. Можно думать, что этот элемент первоначально был морфемой собирательности и принял значение дв. числа в результате употребления с названиями парных частей тела (например, 'руки'). В конечном счете эта морфема могла быть связана и с самостоятельными словами, ср. эвенк. *kete*, эвен. *hoya*, нен. *yoqa* (< **-n-qoqa*), кв. *qi*, хайд. *qu'an* 'много'; фин. *kaikki*, путка *Hačat-ak*, кут. *qap-*, айн. *okore* 'весь, все'. Ср. также гот. *hails*, нем. *heil*, англ. *whole*, *hale*, где в основе значения лежит идея полноты.

Мн. число: алют. коряк. -*w(i)*, юкагир. -*pe*, -*pul*.

Суффикс аблатива: саам. -*t*, удм. -*s^y-t*, фин. -*ta*, морд. -*do*, в угорском праязыке *-*l*, маньчж. -*t^yi*, тюрк. -*tän*, инук. -*ni-t*; сев.-кит. -*de* 'принадлежащий к, характеризующийся чем-л.'; бирм. -*de* (формант прилагательных); инук. экватив -*tut*; аллатив: маньчж. -*tala*, инук. -*n-u-t*; вин. падеж: тюрк. -*ti*; локатив: айн. -*ta*, тюрк. -*ta*; инук. прозекутив -*gut*; тлинг. -*tin* 'с (with)'. Ср. также и.-е. аблатив *-*d*; некоторые индоевропейские формы могут восходить к *-*x^w-t*, возможно, параллельному эским. -*gu-t* и -*n-u-t*.

Локатив: алют. -*k*, юкаг. -*ke*, путка -*či*; аллатив: ижор. -*k*, манс. -*g*, мар. -*kī*, алеут. -*y*, тлинг. -*khi*; дат. падеж: тюрк. -*kä*, кет. -*iyx*, юкагир. -*pin*; инструменталис: эским. -*ni-k*, нивх. -*kir*; нивх. локатив-аблатив -*ke*; тлинг. -*χ*, мтл. -*gā* 'от'; хайд. -*ku* 'у', -*ka* 'в', -*kī* 'к', 'для'. Ср. также алгонкинский локатив на -*ki*.

Притяжательный падеж: фин. *-n*, мар. *-n*, морд. *-ñ²⁸*, кет. *-ni*, тюрк. *-niy*, яп. *-no*; аляут. *-pin* (суффикс притяж. падежа в местоимениях); коряк. суффикс *-in*, образующий прилагательные; айп. адъективное *-n*.

Винительный падеж: манс. *-m(a)*, мар. *-m*, саам. *-m*, фин. *-n²⁹*; коряк. *-ma*, кут. *-mat* 'с'; мтл. *-pi* 'в'; алеут. *-m*, в эскимосских диалектах *-m* либо *-p* — аффикс подчиненного падежа субъекта переходного глагола или притяжательного падежа; кв. *-m*, нутка *-p* (из конечного **m*), слившись с корнем, а также *-ma* и *-min* — распространяемые конечные части корневой, относящихся к предметам; фин.-уг. субстантивный форматив *-ma*. Возможно, что здесь две, если не три, древние морфемы.

Эским. (юк. и инук.) локатив на *-ni*, а также аблатив *-ni-t*, инструменталис *-ni-k*, адлатив *-n-u-t*; венг. *-ne-k* с разными реляционными значениями; локатив: нен., хант. и фин. *-na*, мар. *-ne*, *-nə*, саам., пермск., манс., венг. *-n³⁰*; сев.-кит. *-li³¹*, яп. *-ni* 'в', 'у'; мтл. *-nā* 'для'; венг. *-nāl* 'у'. Венг. *nek-*, принимающее личные окончания (например, *nekem* 'мое' или 'у меня дома', *neked* 'тебе' или 'у тебя дома'), показывает, из какого корня развился конечный *-nek*; ср. также хайд. *na* 'дом', тлинг. *nē-t* 'в доме', а вне денс-финских языков — и.-е. **n* 'внутри', шахант. *'ni-t* 'дом'³².

Адлатив: саам., морд. *-s*, мар. *-š³³*; кв. инструменталис *-s*, употребляемой с местоименными аффиксами; кут. *-s* (падеж предмета, в пользу которого совершается действие); нивх. инструменталис *-s*; нутка *-it* 'по отношению к', мтл. *-t* 'с'.

Местоимения или аффиксы 2-го лица **te* (с варьирующими гласными и с ассимиляцией $t > \check{c}$, $\check{s}$, s перед передними гласными в соответствии с фонетическими законами каждого языка) находим в урало-алтайских, эскалеутских, нивхском, чукотско-камчатских языках и в хайда. Ср. также индоевропейские языки и некоторые группы языков Америки.

Другие морфемы 2-го лица: атап. *nī*, *nī-*, *-n-*, манс. *naŋ*, кут. *ninko*, *-nis*, *hi-'n-*, яп. *anata³⁴*, сев.-кит. *nī* 'ты'³⁵. Атапасские местоимения 1-го или 2-го лица мн. числа (мтл. *nohniŋ*, навах. *nihī*) могут помочь объяснить употребление того же корня в значении 'мы' в нутка (*nīwa*, *-ni*) и в значениях 'я', 'мы' в кв. *ni*, видимо, первоначально имевшее значение инклюзива (2-е лицо + 1-е лицо), которое позволило перейти от 2-го к 1-му лицу. Другой случай — венг. *én* 'я', хотя это может быть диссимилиацией из **mén*; др.-кит. **ya*, инук. и юк. *-ya*, алеут. *-y* 'я', возможно, из **-n-qa* или, может быть, из **m-qa*; нивх. *nī* 'я'. Отметим также очень распространенное употребление *n* в 1-м лице в языках Америки и во мн. числе в и.-е. **no-s* 'мы'. Не исключено, что переходом 2-го лица в 1-е (аналогичным описанному выше) можно было бы объяснить наличие

*t в 1-м лице в тлинг. *thu*, хайд. *lalan*, кет. *itn* 'мы'; тлинг. *χat*, кет. *at*, хайд. *ti* 'я'.

Тюрк. *-šu 'iste'* (местоимение, указывающее на предметы вблизи собеседника), яп. *so-* (указательные местоимения среднего расстояния), путка *suwa*, *-suk* 'ты'; путка *sūwa* 'вы'; кв. *su* 'ты', 'вы'. Ср. также инук. *-si*, юк. и алеут. *-ēi* (2-е л. мн. ч.) и н.-е. **-si* (глагольное окончание 2-го л. ед. ч.)³⁶.

ЧЕРЕДОВАНИЯ, УДВОЕНИЯ В КОРНЕ И ОПРОЩЕНИЕ АФФИКСОВ

В некоторых более или менее продуктивных морфологических процессах и в некоторых кажущихся неправильностях, существующих внутри отдельных языков или выявляемых при их сравнении, обнаруживаются свидетельства древнего использования таких морфологических приемов, как удвоение и символическое чередование фонем. Другие отклонения от фонологических соответствий в сравниваемых языках могут исторически восходить к слиянию корневых согласных с древними суффиксами, префиксами и инфиксами.

Удвоение — продуктивный процесс в вакашских языках, где оно выражает, в частности, разбросанность предметов в пространстве (дистрибутив) или повторение во времени (итератив) или может сопровождать использование некоторых суффиксов. Удлинение гласных иногда выражает длительность, иногда сопровождает суффиксацию или удвоение. Как удвоение, так и удлинение гласных могут сопровождаться инфиксацией. Удвоение есть также в чукотско-камчатских языках, где оно характеризует абсолютную (номинативную) форму многих односложных имен, тогда как неудвоенная форма употребляется с суффиксами. В китайском языке удвоение выражает повторность (*khàn-khàn* 'смотреть вокруг', *khàn* 'смотреть') или используется при употреблении некоторых имен вне словосложений (например, *thài-thài* 'жена').

Употребление удвоения для выражения повторности встречается и в вакашских, и в китайском, и не исключено, что это употребление может быть древним. Другой случай употребления удвоения в китайском наимимает употребление в чукотском, но в обоих случаях кажется приемом, позволяющим избежать большей краткости слов, нежели того требуют нормы языка; такая функция вряд ли могла сохраняться в течение тысячелетий. Вероятнее всего, от древности сохраняется лишь сам прием удвоения (допустим, в такой функции, как дистрибутивная), а в чукотско-камчатских языках и в китайском удвоение, утратив свои первоначальные функции, используется там, где оно может заполнить структурный вакуум, вызванный стиранием старых форм.

Древность удвоения доказывается не только его существованием в трех упомянутых группах языков, но и более сильным аргументом: окостеневшими остатками удвоения в отдельных морфемах языков. Такие формы есть, например, в вакашском; ср., например, нутка *latūs*, кв. *tuḷu* 'звезда', нутка *čatča* (< *ka-t-ka) 'погодь' — эти морфемы рассмотрены уже выше и показаны их соответствия в других языках. Другие примеры: фин. *kuka* 'кто'³⁷, эвенк. *kēkikta*, алеут. *qačGiq*, чук. *gīlgīn* 'кожа'; без удвоения те же корни выступают в удм. *ku* 'кто', нен. *hoba* 'кожа'; эвенк. *hegdi* (< *qheqiti), яп. *ōki* (< *qhoqi-yi) 'большой', ср. без удвоения нан. *kēte*, кет. *qe*, ительм. *xi*, кор. *khīta*; мар. *kokt-*, венг. *kettő* (< *kektö), фин. *kaksi* 'два', ср. без удвоения т. юкг. *kin*, дагур. *hoire*, монг. *qoyar*, ительм. *kasx*.

Есть одно явление типа удвоения, которое можно назвать «экспликацией гласного»: корневой гласный повторяется перед первым согласным корня. В вакашских, сохраняющих древнее ³ и *h*, один из этих древних ларингалов принимал участие в экспликации. Примеры экспликации гласного: нан. *omokta*, эвенк. *umukta*, эвен. *umta* 'яйцо', очевидно, родственные манс. *muḷi*, фин. *muna*, эским. *manna*; алеут. *uluq*, нан. *ulikse* (< *ulukse), эвенк. *ullə*, эвен. *ulrə* 'мясо'³⁸, кв. 'ls 'мясо', без экспликации в фин. *liha* 'мясо'; нан. *ekte* 'женщина', возможно, родственно юкагир. *kote*, кет. *ket*, хайда *χata*, тлинг. *qha* 'человек'; эвенк. *umūn* — т. юкг. *mor-hon* 'один'; эвенк. *ukun*³⁹ — нан. *kūni* 'сосок груди'; юк. *unuk*, инук. *unnaq*, нивх. *urk* — коряк. *nikita*, чук. *nikirit* 'ночь' (ср. также лат. *noct-*, англ. *night* 'ночь'); алеут. *imliq-* — юк. *mītquq* 'волосы'; алеут. *yuḷq*, юк. *yuāquq* 'шея' — нен. *ik* 'шея' и, возможно, хант. *yug*, манс. *yū* 'дерево'⁴⁰; нутка 'aya 'много' — нутка *yāq*, коряк. *yul-* 'длинный'; нитинат. 'adak, нутка 'ink (< *anak⁴¹) — кв. *lq⁴²* 'огонь'; кв. *hex⁴³* (< *hayax⁴⁴*) 'лоток для промывки золотоносного песка' — нутка *yax⁴⁵* 'трясти'; кв. *hi⁴⁶* — нутка *yā* 'отрицать'; кв. *hulhi-* (< *h-wl) 'слушать' — кв. *wl-* 'слышать'. Те же явления обнаруживаются и в индоевропейских языках: греч. ὄνομα — лат. *nōmen* 'имя', греч. ὀδόντ- — лат. *dent-*, англ. *tooth* 'зуб'.

Удлинение гласных в нутка (*hīni* 'дающий' из *hinī* 'дать') и внутреннее удвоение (типа *ya'āxyax⁴⁷* 'трясущий то там, то здесь' из *yāxyā⁴⁸* 'трясущий') могут быть связаны с древним процессом, который отражен также в чередованиях гласных в финно-угорских языках. Этот процесс мог начаться с морфологического чередования гласных по количеству, в дальнейшем фонетические процессы, различные для долгих и кратких гласных, привели к чередованию гласных по качеству. Если фонетическое развитие согласных после долгих и кратких гласных было неодинаковым, то и чередование ступеней согласных в финно-угорских языках могло возникнуть на той же основе. Сингармонизм, объясняющий некоторые отклонения от регуляр-

ных соответствий в родственных морфемах, считают поздним явлением, возникшим в отдельных группах урало-алтайских языков.

Что касается качественного чередования гласных в древних дене-финских языках, аргументы в пользу его существования немногочисленны, но довольно вески. Прежде всего, есть свидетельства древнего чередования переднего гласного верхнего подъема и заднего гласного нижнего подъема в указательных местоимениях: местоимение с передним гласным указывает на близкий предмет ('этот'), местоимение с задним гласным — на далекий предмет ('тот'): алеут. *nikun* 'этот' и *naman* 'тот', манс. соответственно *ti* и *ta*, юкагир. *tij* и *tay*, венг. *ez* и *az*, кет. *ki-* и *ka-*. Легко видеть (хотя бы на английских словах *this* и *that*), что та же особенность существовала и в индоевропейских языках, но реконструируемые гласные при этом — *e и *o. Различие между дене-финскими и индоевропейскими языками здесь может быть поздним, так как дене-фин. *a может происходить из *o либо п.-е. *o — из *a. Тот факт, что многие индоевропейские языки содержат *a* на месте и.-е. *o, позволяет думать о неогубленном характере этого гласного во многих древних индоевропейских диалектах.

То же чередование используется в индоевропейских языках для указания различий протекающего действия и завершения действия (ср. англ. *sing—sang*, *ring—rang*; это, в сущности, применение в отношении времени того же принципа, который находим в указательных местоимениях). Следы подобного использования чередования можно найти в атапаскских языках, где таким образом различаются несовершенный и совершенный виды: мтл. *-lix*, *-lai* 'пользоваться веревкой', *-thix*, *-thān* 'пользоваться длинным предметом', *-c'ig*, *-c'ā'n* 'слышать', *-nix*, *-nā* 'to move camp', *-le*, *-lag* 'делать'.

Есть факты, свидетельствующие о чередовании гласных верхнего и нижнего подъема для различения «диминутивов» — вариантов корней с уменьшительной семантикой (с гласным верхнего подъема) и «аугментативов» — вариантов с увеличительной семантикой (с гласным нижнего подъема) подобно противопоставлению *μικρός* и *μακρός* в греческом языке: алеут. *kīyu-* 'маленький', *ayu-* 'большой' (в реконструированной форме, видимо, **k'inku* и *ghanqu), удм. *piči* 'маленький' и *baž'īm* 'большой' (<**p'ici*, **phač'i*); юкагир. *yuku* 'маленький', нутка *yāq* 'длинный'. Другие примеры с гласным верхнего подъема в словах со значением 'маленький': чук. и коряк. *plu-*, фин. *pieni*, тур. *küçük*, венг. *kicsi*, мар. *izi*, нан. *niči*, нигинат. *'inūx*, нутка *-'is*, юк. и инук. *miki-*. Примеры на гласные нижнего подъема в словах со значением 'большой': нен. *yarka*, нан. *dāi*, сев.-кит. *tā*, коряк. *mayiy*, манс. *agmiŋ*, хайд. *qatči*, *laqhonanan*, чив. *-chá*, кв. *walas*, нутка *-aqaq*, *'aya-*, венг. *nagy*,

инук., юк. *ayĩ-*. С другой стороны, небольшое расстояние между языком и нёбом при гласных верхнего подъема и открытость рта при широких гласных напоминают значение, выражаемое словами. Если здесь перед нами «символическое» употребление звуков (расположение органов речи напоминает выражаемую словом идею), естественно ожидать некоторого перевеса слов с широкими гласными среди слов со значением 'большой' и перевеса слов с узкими гласными среди слов со значением 'маленький'. Однако языки не всегда следуют этому естественному символизму (примеры: английские слова *little* 'маленький' и *big* 'большой' оба содержат узкие гласные, а *small* 'маленький' и *large* 'большой' — оба с широкими гласными). Следовательно, главный вопрос — является ли это употребление древним, можно ли проследить его до периода дене-финской общности, а также в какой степени активным было его использование в дене-финском языке. Имеющийся материал позволяет предположить, что уже в дене-финском языке существовало чередование между **k'in* 'маленький' и *ghan (или *qhar) 'большой' и что эта модель чередования могла иметь более или менее широкое употребление в других корнях. Это чередование могло быть родственно символизму в обозначении близких и далеких предметов (в указательных местоимениях).

Возможно, что система чередования была трехчленной: *a* — аугментатив или отдаленность, *e* и *o* — нормальная ступень или среднее расстояние, *i* и *u* — диминутив или близость. Судя по некоторым корням, обнаруживающим между собой родство, могла быть также какая-то модель перехода от *i* к *u* и от *e* к *o*, но характер этой модели пока не определен.

Есть следы чередования согласных. Это чередования двух типов: условно назовем их «глоттальными» и «оральными». Оба типа чередований связаны с аугментативно-диминутивным символизмом. Они встречаются вместе с чередованием гласных, а иногда — независимо от него. Чередования согласных активно используются в чинукском и в некоторых других американских языках, да и в прочих языках Америки есть их явные следы. Можно найти примеры такого чередования и в индоевропейских языках: аугментативное *gh в нем. *groß*, англ. *great*, *grow*, противопоставленные диминутивному *g в нем. *klein* и англ. *child*. «Оральное» чередование дало следующие триады (нормальная ступень — аугментатив — диминутив): *n r l, š ś s, t č c, q q k, q^w q^w k^w, h h'*.

В последних трех триадах нормальная и аугментативная ступени идентичны (насколько мы можем реконструировать фонемы). «Глоттальные» чередования содержат также три ступени: нормальные, придыхательные и глоттализированные согласные. Например, в ряду переднеязычных — *t th t'*, и так в каждом ряду (соответствующая схема в индоевропейском —

*t *dh *d). Обе системы чередований пересекались, возникал усиленный или ослабленный символизм. Так, в ряду переднеязычных согласных *čh* — полный аугментатив, *c'* — полный диминутив; умеренные аугментативы — *th* и *č*, умеренные диминутивы — *t'* и *c*. Но можно было использовать и *č'* для обозначения диминутивизированного аугментатива, а *ch* для обозначения аугментативизированного диминутива. Не обязательно все согласные корня были маркированы в смысле символизма этих чередований, что связано с ослабленным чередованием, и тут могли быть различия между диалектами. Слова «диминутив» и «аугментатив» нужно понимать лишь как удобные ярлыки для целого комплекса идей, включающих движение, яркость, остроту, резкость в «диминутивах», интенсивность, высокую температуру, твердость в «аугментативах».

Ни один из современных дене-финских языков не имеет продуктивных фонологических чередований такого типа, но следы есть везде, особенно в вакашских языках. Можно предполагать поэтому, что в период дене-финского единства эта система активно действовала лишь в некоторых диалектах, а в большинстве утратила продуктивность. Главной причиной ее утраты могло быть упрощение системы согласных. Некоторые примеры этих чередований уже приводились выше (в связи с чередованием гласных). Вот еще примеры:

Нутка *qū-ʼas* (< *q.r) 'человек', букв. 'человек в деревне'; *qū-ł* 'раб', букв. 'человек в доме'; кв. *knl-* 'ребенок'. Родственные слова с *q или *qh: чук. и коряк. *qilawil*, дагур. *hū*, монг. *irgen*, эвепк. *ilə*, манс. *-holas*, инук. *aṇut*, юк. *aṇun*, тлинг. *qha*, мтл. *ka-* 'мужчина, человек'; умеренный диминутив *k в тлинг. *kuḥ* 'раб'; аугментативизированный диминутив в кут. *xati* 'сын', нитинат *xāda'k* (< *khāna) 'женщина'. Это слово в языке нитинат должно быть результатом позднего действия чередования, ибо старое *kh дает š, либо результатом влияния салишских языков, где тот же корень означает 'супруг, -а'.

Хайд. *χata* 'человек', *χat* 'отец женщины', *qha* 'дядя'; хайд. *kit* 'сын'. Родственные слова: кет. *ket*, юкагир. *kote* 'мужчина, человек'.

Нен. *hōba*, сельк. *qōpū*⁴¹, алеут. *qačGaq*, *qačGiq*, яп. *kawa*, айн. *kah* 'кора', 'кожа'; юкг. *har* 'кожа'; монг. *halisa*, дагур. *haise*, нап. *horakta*, тюрк. *kabuk*, хлц. *χk^wm*, чук. *itki-* (< *qhik) 'кора'; манс. *ker*, хант. *kär* 'скорлупа'; фин. *kerma* 'кожура'; венг. *kér* 'пленка'; фин. *keri* 'новая береста, выросшая на месте содранной'. И.-е. параллели содержат *q, например в лат. *cor-tex* 'кора'.

Кв. *q^way-k^w*, нутка *k^watyik* 'тяжелый'; кв. *k^wak^waya'a-k^w*, нутка *katyik-ʼis*, фин. *keveä*, саам. *gäppād* 'легкий'. Утрата лабиализации во втором слове языка нутка не соответствует регулярным фонетическим законам, но известна такая же утрата в других

словах. Ср. и.-е. **G^w.r* в санскр. *gurūh*, лат. *gravis*, греч. βαρός 'тяжелый'; **x^w.n* в лат. *onus* 'груз', санскр. *ānaḥ* 'повозка'.

Хайд. *qhāci* 'голова'; с диминутивом остроты — хайд. *qa* 'гарпун'. Возможно, однако, что это исконно различные корни. Ср. также кв. *q̄lt-* 'работать долотом', *q̄as-* 'делать метку', нутка *as-* 'тесать', *a-* 'ранить', кв. *kax^w-* 'брить', *čaH^w-* 'тесать', кв. *ki-*, нутка *čit-* 'резать'.

Нутка *-aq-sut* 'большое отверстие (устье реки, пещера и пр.)', нутка *-ak-sut* 'рот, губа'.

Нутка *qiš-* 'хромать'; нутка *kiš-* 'извиваться'.

Нутка *qat* 'твердый'; нутка *čit-'is* 'мягкий' (*'is* — уменьшительный суффикс).

Нутка *tūt-* 'гремять (о громе)'; нутка *sūt-* 'сверлить', *si'it* 'палочка для добывания огня трением'.

Нутка *ti-* 'бросать', *li-* 'стрелять', *či-* 'проливать, погружать (*spill, dip*)', **čitq-* 'вода бьет струей'. Здесь все варианты с глоттализацией (резкость действия), но с нормальным *t*, аугментативным *λ* (< *č) или диминутивным *s* в зависимости от силы и характера действия.

Нутка *titma* 'твердый'; нутка *sim-* 'туго натянутый'.

Дагур. *šihe* 'большой', *u-šiken* 'маленький' (поморфемно 'небольшой', и все же в корне средний согласный отличается от согласного исходного слова: *šike противопоставляется *šiqhe). Последняя форма основана на **č.q^w*, как в нутка *luk^w-*, кв. *lk^w-*, хант. *šoh*, коми *člk* 'толстый'. Диминутивы — в кут. *caquna*, кор. *ca. . k.*

Дагур. *halōn*, рюкюск. *hac'i-*, алеут. *qini-*, пивх. *qhav* 'горячий'; дагур. *kuiten*, удм. *kez^yit*, эвен. *gelra*, чук. *-qivye-*, кут. *-itko-*, чив. *-k'ad*, мтл. *-k'ac*, навахо *-k'āz*, тлинг. *kusa'at* 'холодный'. Отклоняющийся от общих правил консонантизм находим в хайд. *kina* и инук. *kiat-* 'горячий', в венг. *hideg*, т.юкг. *hatič* 'холодный'. Ср. также лат. *calidus* 'горячий', *gelidus* 'холодный'.

Сев.-кит. *rè* 'горячий', *lèŋ* 'холодный'.

Среди классификаторов предметов по форме в языке хайда находим затемненные следы символизма: *kat-* (мелкие предметы), *xat-* (мелкие предметы), *qa-* (много мелких предметов), *ku* (короткие предметы), *ku-* (широкие предметы), *sqā-* (длинные предметы, например веревки), *sqa-* (длинные предметы, например палки; видимо, родственно нутка *-čiq* 'палки, длинные предметы'), *-skā-* (мелкие цилиндрические предметы), *skha-* (шарики), *tka-* (ветвистые предметы).

Мы не проводили подсчетов, чтобы определить, сколько случаев согласуется, не согласуется или нейтрально в отношении корреляции размеров (и других ассоциируемых с размерами признаков) и ступеней чередований согласных. Но ясно, что во многих случаях употребление согласных согласуется с теорией; в других же случаях есть расхождения, объясняе-

мые просто, — например, в случаях добавления уменьшительного аффикса или отрицания: смысл при этом меняется, а согласные остаются. Наконец, имеются случаи, где есть чередование, но нет очевидной корреляции со смыслом. Эти слова могли возникнуть, когда символическое чередование уже утратило продуктивность либо изменило прежнее значение. В упомянутых выше словах со значением 'перо', 'птица', 'лететь' есть полные и частичные диминутивы: **c'.lk*, **t'.lk*, **t'.ng*. Во многих языках, утративших глоттализацию, формы с **t'* по звучанию совпали с педиминутивами. Единственное противоречие символизму — в кор. *thar* 'перо', 'волос'. Эта форма могла произойти из аугментатива со значением 'крыло', 'перо крыла', ср. нутка *tapH*-(< *λhamqh-) 'взмахнуть крыльями'. Не исключено, что в древности эти варианты были связаны с корнем, означавшим 'стоять', 'выдаваться вперед', и родственными могут оказаться слова весьма разных значений: нан. *dili*, эвен. *del*, эвенк. *dil*, нутка *tuH*-, сев.-кит. *thou* 'голова'⁴²; инук. *taliq* 'рука (arm)', алеут. *taliq* 'ветка', 'сук'; инук. *tatli-ma-t* 'пять' (число пальцев руки); эвен. *tapña*, чук. *rinni*, юк. *čigū-niq*, яп. *tuno*, павахо *-tē*, чив. *-tē* 'por'; нутка *liH*- 'move pointwise'; сев.-кит. *tāu*⁴³, нен. *teu*, энец. *taebo*, фин. *tavata*, инук. и юк. *tikit* 'достичь, прибыть'; и.-е. **d.ng^{wh}* (например, англ. *tongue*) 'язык', *doq (гот. *tagls*, англ. *tail*) 'хвост'.

У вакашей существует стилистико-фонетическое явление, которое может быть отражением древних чередований. Наиболее развитое у нутка, оно состоит в изменении некоторых согласных в случаях, когда говорят с людьми очень высокого роста, с очень маленькими, с носителями определенных физических недостатков или говорят об этих людях или о некоторых мифических персонажах. В деталях эти чередования не вполне соответствуют древним, но в принципе они сходны. Э. Сепир писал об этом: «... Важно заметить, что как у нутка, так и квакиютлей есть ощущение взаимозаменяемости сибилантного и латерального рядов» (E. Sapir, *Abnormal types of speech in Nootka*. — «Geological survey of Canada Memoir» 62, 1915, стр. 10). Не известно, представляет ли это явление результат длительной традиции чередования согласных, изменявшегося в деталях, но сохранившего некоторые существенные черты древних чередований. В английском и других языках есть другое чередование, которое может восходить по типу к древности, — это замена *r* на *l* в уменьшительных именах: *Hal*, *Sally*, *Molly* вместо *Henry*, *Sara*, *Mary*.

В древнекитайском языке существовало чередование начального согласного в зависимости от залоговых значений, например *gen 'видимый'⁴⁴, *ken 'видеть'⁴⁵ или *duan 'быть разрезанным', *tuan 'резать'⁴⁶, **d^hian* 'длинный'⁴⁷, **t^hian* 'удлинить'⁴⁸; существовало и менее регулярное чередование: *ken 'видеть',

*khan 'смотреть'⁴⁹. Нечто подобное есть и в нивхском языке: *tʷ-osq-tʷ* 'оно сломало', *zosq-tʷ* 'его сломали'. Охватывая лишь начальный согласный, оно, конечно, может восходить к древним префиксам. Такая гипотеза подтверждается существованием древнекитайских залоговых префиксов *s-*, *h-*, *p-* (каузативных или делающих глаголы переходными). В пользу этой гипотезы говорит и существование залоговых префиксов в тибето-бирманских, чукотско-камчатских языках и в языках кадене. Материально связаны с китайскими префиксами, возможно, чук. каузативное *tī-*, транзитивизирующее *-t-* в языках кадене, так что кит. *gen и *ken могут восходить к *ken и *tken.

Следы древнего префикса **n-* в языках, не имеющих живых префиксов, обнаруживаются в назальном начальном согласном урал-алтайских и чукотско-камчатских корней, нормально начинающихся на **q-*, **h-* и **y-*. Мы предполагаем префикс, а не начальное сочетание согласных корня, ибо в языках, имеющих начальное *ɲ*, этот звук проводится непоследовательно (см. ниже примеры). Этот префикс, по крайней мере в части случаев, возможно, идентичен адъективному префиксу кадене и чукотско-камчатских языков. Хотя большинство примеров — существительные, они могут восходить к прилагательным, слово со значением 'голова' могло прежде означать 'похожий на голову', 'торчащий' или 'высокий'. Кроме того, могло быть несколько разных префиксов *n-*.

Нен. *ɲlwa*⁵⁰, кв. *xu-ms*, алеут. *kamgiq*, дагур. *heki*, кет. *kīyga*, нутка и нитиват. *-qī*, нитиват. *qātqāt* 'голова'; чук. *pegne*, коряк. *ɲuɲuɲ*, алеут. *qayqq*, нен. *hou*, дагур. *aule*, монг. *ūla*⁵¹, нан. *huren*, хлц. *qūqʷs*, венг. *hegy*, эвенк. *kamñiga*, *ure*, эвен. *kalrarki*, мар. *kurik*, манс. *ur*⁵², удм. *gurezʷ*, юк. *qamiq*, инук. *qaqqaq* 'гора'. Очевидно, здесь несколько разных корней или несколько вариантов корня, содержащих *(*n*)*q.w*, *(*n*)*q.m*, *(*n*)*q.y*. Ср. в индоевропейских языках лат. *caput*, нем. *Haupt*, англ. *head*, русск. *голова* и русск. *гора*, санскр. *giri* 'гора'.

Нен. *ɲuda*⁵³, эвенк. *ɲāle*, эвен. *ɲal*⁵⁴, мар. *kit*, манс. *kat*, удм. *ki*, фин. *käsi*, венг. *kéz*, дагур. *gari*, ительм. *hkheč*, нутка *kukʷinks*, возможно (в качестве элемента словосложения), в чук. *mīn-gī-* 'рука, hand'. Видимо, из *(*n*)*k.t* и *(*n*)*k.r*. Возможно, связано с и.-е. **k.mt*, англ. *hand* 'рука'; и.-е. **de-km̥* ('две руки') в лат. *decem*, гот. *taihun*, англ. *ten* 'десять'⁵⁵.

Нен. *ɲāya*⁵⁶, *hoba*, удм. *ku*, мар. *kowāšte*, эвенк. *kēkikta*, юкагир. *har*, алеут. *qačGiq*, чук. *gūlgīn*, юк. и инук. *amiq* 'кожа'. Формы частично сходны с корнями в значении 'голова', что может быть связано и с семантическим смешением: в обоих понятиях есть идея 'сверху', хотя и в разных смыслах.

Нен. *ɲarka* 'большой', *ɲarhanda* 'все', *ɲoka* 'много'⁵⁷; кет. *qe*, мар. *kugo*, ительм. *xi-*, эвенк. *həgdi* 'большой'; эвенк. *katə*, эвен. *houa*, кв. *qī* 'много'. Видимо, из *(*n*)*q.n* с разными согласными

альтернантами аугментативного направления, иногда с удвоением. Конечный корневой согласный иногда чередуется с *t* и *y*.

Чук. *new-*, коряк. *ḡawan*, ительм. *ḡim-č̄x̄in*, кет. *qim* 'женщина'.

Нен. *ḡarpa-*, эвен. *kol-*, ительм. *ḡel-* 'пить'.

Нен. *ḡabt*, фин. *hapsi*, манс. *āt*, мар. *ḡp*, венг. *haj*⁵⁸, нутка *harsyi*, кв. *hap-* 'волосы'. Из **(n)h.pt* или скорее из **(n)h.-p.t*, ибо *ha-* может быть экспликацией.

Манс. *ḡēl*, венг. *nyelv*, нен. *nəḡmü*, мар. *ḡalmə*⁵⁹, эвенк. *čōlʷi*, ительм. *ilčil*, чук. *yilyil* 'язык' (tongue).

Эвен. *ḡurit*, эвенк. *ḡuriktə*, удм. *yḡrsʷi*, мар. *čerʷ* 'волосы'; юкагир. *yo*, удм. *yḡr* 'голова'; навахо *ḡá*, чпв. *ḡà* 'небо'; мтл. *ḡa-*, др.-тибет. *ḡa* 'вверх'.

Чук. *ḡireq*, коряк. *ḡiye*, ительм. *kasx*, т. юкг. *kin*, дагур. *hoire*, монг. *ḡoyar*, фин. *kaksi*, венг. *kett ő*, мар. *kokt-*, манс. *kit* 'два'⁶⁰.

ФОНОЛОГИЯ

Фонемы, реконструируемые для периода дене-финского единства, перечислены выше. Коротко рассмотрим изменения, которым подверглись фонемы в отдельных группах языков. В целях краткости перечислим лишь наиболее существенные моменты в развитии звуков, особенно в начальной позиции.

Несколько слов об акцентологии. Тот факт, что обычно лучше всего сохраняются начальные элементы корня, а аффиксы и конечные части корня стираются больше, заставляет думать о древнем ударе на первом слоге корня. В сложных словах главное ударение должно было падать на первый компонент. Противоположная картина в языках ка-дене имеет диалектное или позднее происхождение.

Недавнего происхождения и фонологическое разноместное ударение в японском языке, где ударение может падать на первый или второй слог корня, на аффикс или постпозиционное служебное слово. Тоновые противопоставления в слоге обнаруживают языки ка-дене, хайда, китайский и тибето-бирманские, сократившие корень до одного слога. Возможно, что фонологическое ударение в японском и тоны в других языках развились из общей акцентной системы, может быть, из восходящего и падающего ударения на определенном слоге корня. Как известно, в китайском языке тоны в значительной степени отражают старое различие согласных перед гласным и после него.

Лабиевелярные согласные утрачены почти во всех группах дене-финских языков. В вакашских они сохраняются. В китайском они преобразованы в согласный + *i* и, таким образом, слились с исконной группой **ki* и **hi*. Положение в хайда неясно: хотя там есть лабиевелярные, пока не найдены морфемы, в которых они соответствовали бы древним лабиевелярным, и

поэтому можно думать об их вторичном происхождении. В некоторых диалектах ка-дене есть противопоставление огубленных и неогубленных велярных, но оно, по-видимому, позднее. Развитие древних лабиовелярных в ка-дене представляется в следующем виде. Перед *a* лабиализация утрачивалась. После лабиовелярного *i* и *e* переходили в *o*, совпав с рефлексом древних *u* и *o*. Исконные велярные перед *o* были огубленными. Таким образом, огубленность перестала быть фонологической, так как встречалась только перед одним гласным, перед которым неогубленный не встречался. В некоторых диалектах возникло новое противопоставление по огубленности в результате процессов типа $*qoi > *q^w i$ или (в диалектах галлис и като) $*qo > k^w a$. Сходным могло быть развитие и в хайда, но для окончательных заключений пока мало материала. Поскольку в большинстве языков лабиализованные исчезли, доказательство древнего существования лабиовелярных зависит от вакашских и китайского языков. Полезно также искать родственные корни вне дене-финских языков. Мы будем приводить индоевропейские параллели, подкрепляющие дене-финские данные.

Древние глоттальные типы — простые, придыхательные и глоттализированные согласные — сохраняются еще в корейском, в надене и в вакашских языках. Но в последних двух группах языков произошло передвижение сибилантов и велярных. Древние придыхательные стали спирантами, и возникли новые придыхательные (видимо, из непрдыхательных на стыке согласных). Так, кв. *q*, *qh*, *q̇*, *χ* могут происходить соответственно из $*q$, $*qq$, $*q'$, $*qh$. В языке тлингит на месте глоттализированных аффрикатов возникли глоттализированные спиранты, например *š*. Языки надене утрачивают эти противопоставления в губных. Ительменский язык содержит четыре триады: *t ṫ s*, *k k̇ x*, *q q̇ qh*, *č č̇ š*. В чукотском и корякском языках нет глоттализованного ряда, но древнее *q̇* отражается обычно в виде гортанной смычки'. Параллельно этому утрачено *h*, но оно идентифицируется по отсутствию согласного, противопоставленному смычке'. В вакашском языке нутка *q̇* и *q̇^w* дали фарингализированную гортанную смычку', тогда как *qh* и *q^w h* дали фарингализованный придыхательный *h*. Следовательно, есть регулярное соответствие чук.-кор. ' = нутка', чук.-коряк. *ø* = нутка *h*.

Современная трехчленная система чукотско-камчатских языков может представлять древнюю четырехчленную (три глоттальных ряда и геминаты). Действительно, дене-фин. $*t >$ чук. *r*, коряк. *y*, ительм. *y*, а $*k$, $*q$ и лабиализованные дали *g*. Современные *t*, *k*, *q* возникли из $*tt$, $*kk$, $*qq$. В губном ряду $w < *w$ и $w < *p$, а $p < *pp$. Развитие в эскалеутских языках шло сходно с чукотско-камчатскими, но спирантизация там происходила лишь в середине слова. Так получаются алеут. *d*, *g*, *G*, эским. *v*, *g*, *G*, *š*. Противопоставление глухих и звон-

киж в юкском вторично. Древнее *t в эскимосских не спирантизировалось, а p всех типов дало алеут. h. В алеутском изредка обнаруживаются спиранты в начальном положении. Судя по возможным соответствиям в вакашских, эти спиранты возникли из глоттализированных: алеут. *gugtaq* 'открытый, продырявленный', *gu-* 'проникать', нутка *ku-* 'зацеплять'. *kuk^w*- 'ткнуть в землю (poke into ground)', но без глоттализации *kuH-* 'дыра'; алеут. *dika-siq* 'нож', *dugtaq* 'рыболовный крючок', нутка *tuH-* 'убийство', *lux^w*- 'разрывать на кусочки кедровую кору', *cux^w*- 'работать долотом', *ciHat-i* 'стрела', *li-* 'стрелять', *caax^w*- 'толкнуть (thrust)', мтл. *t'ot* 'долото', тлинг. *su* 'обрезать', *luk* 'стрелять'.

Исходя из этих данных, можно думать, что корейская система трех рядов согласных отражает дене-финское состояние. Однако дене-фин. *qh > кор. Ø. В корейском есть придыхательное и глоттализированное s, которые отчасти могут быть древними, а отчасти отражают аффрикаты.

Праяпонский язык (предок японского и рюкюского) мог сохранить систему трех рядов, как корейский. Глоттализированный ряд еще сохраняется в йонаминском диалекте (Рюкю). Этот диалект имеет два разных рефлекса для неглоттализированных (как в губном, так и в велярном ряду): йонамин. h, соответствующее k в диалекте сюри, может восходить к *kh. Диалект сюри имеет два рефлекса неглоттализированных губных: h и hw, которые могут восходить соответственно к *p и *ph. Дене-фин. *q' и *qh развивались, видимо, как в эскимосских языках. В отличие от рюкюских, японские диалекты не знают четкого различения трех глоттальных рядов. Противопоставление звонких глущим — позднее (по крайней мере отчасти); звонкие регулярно возникают в интервокальном положении, в вопросительно-неопределенном do- и в некоторых других условиях. В китайских заимствованиях звонкие и глухие отражают соответственно простые и придыхательные. Яп. h — из всех губных смычных.

В языке кутенай велярные и сибиланты отражают древнее тройственное глоттальное противопоставление в виде простых смычных, глоттализированных и спирантов. В других рядах представлены только простые и глоттализированные.

Нивхский язык имеет четыре ряда согласных — глухие простые и придыхательные смычные, звонкие и глухие спиранты (описанные в литературе звонкие смычные, видимо, связаны с определенными позициями) p ph v f, t th r rh, tʰ tʰh z s, k kh g x, q qh G ç. Глоттализированных нет. Типы иногда чередуются в зависимости от фонетических условий, и есть морфологическое чередование (см. выше) между простыми и придыхательными (среди спирантов — между звонкими и глухими) для выражения залоговых значений. Видимо, v < *p, f < *ph, p < *pp, ph < *pph.

В китайском языке фонемы, видимо, развивались сходным образом, но система типов смычных была ближе к тибето-бирманской.

В тибето-бирманских языках три глоттальных типа согласных: звонкие, глухие и придыхательные. Сравнение с на-дене (Swadesh, Athapaskan and Sino-Tibetan) заставляет думать, что простые и глоттализированные согласные дали звонкие, придыхательные дали придыхательные, а глухие возникли из сочетаний согласных.

В айнском языке различия глоттальных типов сохраняются лишь в переднеязычном и велярном рядах, ибо *r* может восходить к **t*, а айн. *t* — к древнему сочетанию согласных, тогда как *h* восходит к **qh*.

В кетском единственные следы глоттальных противопоставлений — *x* < **kh* и *∅* < **qh*.

В разных подгруппах урало-алтайских языков древняя система фонем изменилась по-разному: в некоторых простые, придыхательные и глоттализированные совпали, в некоторых различия остались лишь в виде *h* или *∅* из **qh*, в некоторых возникло противопоставление звонких и глухих. В удмуртском языке, где звонкие редки и встречаются в словах со значением 'большой' и 'гора', но отсутствуют в значении 'маленький', можно бы думать о развитии звонких из придыхательных. В тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, где звонкие часты, они могут восходить к простым смычным, а глоттализированные и, возможно, сочетания согласных могли дать глухие. На месте ожидаемого *p* находим *f*, *h* или *∅* (в зависимости от языка). Если наше предположение о разном происхождении звонких в удмуртском и алтайских верно, тогда урало-алтайский праязык должен был еще различать три древних глоттальных типа, а также отражать сочетания согласных.

Плавные во многих языках сведены к одному (*r* либо *l*), а в нутка слились с *n*. Но до этого слияния правакашские плавные в некоторых положениях перешли в *y* или *w* либо оглушились в *t* и потому не совпали с *n*. В языке кутенай **l* регулярно оглушалось в *t*. В некоторых позициях в языках на-дене и кутенай **l* оглушалось, а **t* озвончалось в *l*; в результате упрощения групп согласных возникли новые противопоставления.

Велярные и увулярные во многих языках совпали, их различие сохранилось лишь в тюркских, самодийских, кетском, нивхском, чукотско-камчатских, на-дене, кутенай, вакашских. Хотя каждый из атапаскских языков стремился устранить один из двух заднеязычных рядов (велярные или увулярные), в некоторых языках это противопоставление сохранилось, в других обнаруживается косвенно, так что, сравнив морфемы разных

атапаскских языков, мы часто можем определить, восходит ли согласный к велярному или увулярному.

Система сибилантов в большинстве языков упростилась, лишь ка-дене и урало-алтайский праязык сохраняют древние различия, первые — в виде *š, t, s, λ, c*, последний — в виде *š, ś, s, č, c*. Но современные урало-алтайские упростили систему, сведя древние сибиланты к двум или одной фонеме. В финском древнее *č* дало *h*, в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских — *č*. В китайском аффрикаты различаются (*č, c*), но три спيرانты сведены к двум (*š, s*). В атапаскских языках можно усмотреть следы третьего аффриката (*č* твердого), но в предварительном порядке можно допустить вторичное его происхождение (наша схема аугментативно-димиутивного символизма требует лишь двух аффрикатов как ступеней чередования *t). Решение проблемы зависит от дальнейших исследований.

Сонанты *w* и *y* имеют тенденцию быть устойчивыми, особенно в начальной позиции, но в эскалеутских начальные *y* и *w* отпали.

Назальные согласные устойчивы везде, кроме алеутского, где начальное *m дает *h*, а начальное *n дает *t* (везде, кроме указательных местоимений). В языках ка-дене часто *m дает *p*.

Можно найти и некоторые соответствия гласных, но крайняя неустойчивость гласных делает проблему исключительно сложной. Отметим лишь некоторые моменты, облегчающие читателю анализ примеров. В языке квакиютль краткие гласные были, видимо, утрачены (хотя в некоторых позициях, возможно, краткие сохраняются в виде нейтрального гласного), а длинные гласные сократились. Поэтому исконные вакашские краткие следует искать в языке нутка. В обоих вакашских языках распространена контракция древних сочетаний гласных с полугласными. В чукотско-камчатских и эскалеутских языках некоторые краткие гласные перешли в центральный гласный (в чукотское *i*), а в некоторых ритмических условиях (разных для разных языков) утрачивались. В эскимосских древнее *i* дает *i* (а в некоторых положениях в слове — *a*), но это *i* можно отличить от исконного *i*, так в соседстве с исконным *i* по-иному развивались (и утрачивались по иным правилам) согласные. В алеутском *i* дает *a* или утрачивается (по правилам, отличным от эскимосских).

Ниже приводим примеры на лабиовелярные, на редукцию *q' и *qh в ' и $\emptyset$ и на соответствие урало-алтайских сибилантов латеральным в вакашских и на-дене. Остальные фонетические соответствия не иллюстрируются специально, но содержатся в примерах на протяжении всей работы.

Кв. 'n-k^wa, тюрк. kim 'кто' и т. д. (см. выше).

Нутка k^wi- 'точить', x^winš- 'brush past', k^wix- 'тереть', 'as- 'те-сать', kum- 'показывать пальцем'; тлинг. xot, инук. kiniq-saG-

'заострять'; инук. *qičaGi-* 'остроконечный'; инук. *kakitu-* 'быть заостренным', *kak* 'острый конец'; юкагир. *kič*, венг. *hegy* 'конец, острие'; фин. *kasa* 'выступ'⁶¹; чук. *kewe-* 'тереть, брить'; сев.-кит. *kuā* 'скрести'⁶², *khuidi* 'острый'⁶³. Ср. и.-е. **k^w.d* в санскр. *śud-*, нем. *wetzen*, англ. *whet* 'точить'; лат. *cot-* 'оселок', англ. *whittle* 'строгать'.

Сев.-кит. *hué* 'жить'⁶⁴, *khuidi* 'быстрый'⁶⁵; кв. *q^wl-* 'жить'. Ср. и.-е. **g^w.y* в лат. *vivus* 'живой' и англ. *quick* 'быстрый'.

Кв. *q^wl* 'гореть дотла'; кв. *k^wmt-*, хайд. *qoka*, айн. *hukuu*, навахо *-k'āNt*, чпв. *-k'ān*, тлинг. *kan*, *qan*, кут. *-ačako-* 'гореть'; коряк. *qanGaqaqan*, алеут. *qignaqa*, инук. *imiq* (*qhikni), юк. *kiniq*, навахо *khoN*, чпв. *khún*, тлинг. *čan*, сев.-кит. *hué* 'огонь'⁶⁶; нутка *Нарс*, чук. *kirgī*, ительм. *klxol*, чук. *'ilo*, инук. *uvluq* 'сухой'; алеут. *qilaq*, нутка *ku'at* 'утро'; чук. *qergiqer* 'свет'; кв. *qul* 'кипятить горячими камнями'; эст. *kee-*, мар. *kūa-* 'кипеть', фин. *kettä-*, саам. *gūpte-* 'кипятить', алеут. *qaGluGt-*, инук. *kalāG-* 'кипеть'; чук. *'ora'ak* (из удвоения *qoraqak) 'светильник'. И.-е. **g^wh.rm* в санскр. *gharmaḥ*, лат. *formus*, греч. *θερμός*, русск. *жаркий*, англ. *warm* 'горячий, теплый'. Ср. также салиш. **q^wl* 'горячий, сухой, гореть'; квилеут⁶⁷ *q^wata* 'жарить'.

Кв. *k^wač-*, алеут. *aGačGi-* (из удвоения **qaqac-*), чук. *'alara-* 'желать'; нутка *k^win'at* 'страстно желать'; нутка *-k^wap* 'любить, хотеть'; алеут. *qaGagta-* 'любить'; нутка *ix^w* 'возлюбленный'; чук. *gīt-* 'желать, голодный'; фин. *kerjää-*, коми *kor-*, венг. *kér-* 'просить'; удм. *kuři-* 'умолять'⁶⁸; венг. *kell-*, удм. *kul-*, коми *kol-* 'нужно, быть нужным'⁶⁹. Лат. *quaere-re* (из **k^wexire-*) 'просить, искать'; возможно, нем. и англ. *hunger* 'голод'; лат. *cupere* 'желать'.

Кв. *k^wlx^w-* 'сероватый'; кв., нутка *k^wis-*, юк. *qanig-* 'снег идет'; алеут. *kanig*, ительм. *kolol*, коряк. *'al'al*, чук. *'il'il*, *'itlel* 'снег'; нутка *k^wimac* 'мороз'; чук. *gilgil* 'морской лед'; инук. *qašig-*, кв. *q^wχ-* 'серый'; сев.-кит. *huán*⁷⁰, кут. *-kat-*, яп. *kīro-i*, фин. *kel-tainen*⁷¹, эвенк. *igža-* 'желтый'; навахо, чпв. *-kai*, мтл. *-goy*, хайд. *qata*, юк. *qasuG-*, алеут. *qumaq*, инук. *qaquG-*, *qatiG-*, чук. *ilgī-* 'белый'; энец. *kiare* 'яркий'; сельк. *kuečal* 'светлый'⁷²; нутка *kuļuH-* 'безоблачный'; фин. *kajasta-* 'рассветать'⁷³; инук. *qaGsuG-* 'бледный'. Ср. гот. *hweits*, нем. *weiß*, англ. *white* 'белый'. Ср. также чимакум. *q^witi-* 'седой'⁶⁷.

Кв. *q^waq^whala*, нутка *аНа-*, сев.-кит. *huéi* '(по)вернуться'⁷⁴, кв. *q^wni'stala* 'прогуливаться'; сев.-кит. *huàn* 'возвращать, сменять'⁷⁵; нутка *k^wa-* 'пятиться'; кв. *k^wa-*, алеут. *иуči-*, инук. *тjit-* 'сидеть'; инук. *kipu*, чук. *поурпн* 'задняя часть'; др.-тюрк. *kādin* 'сзади'; эвенк. *gādi-muk* 'затылок'; кут. *-qanquqat-*, хант. *kōrik* 'круглый'. Ср. и.-е. **k^w.l* в санскр. *śakraḥ*, греч. *πόλος*, англ. *wheel* 'колесо'; санскр. *cara-ti*, греч. *πέλω* 'вращать, поворачивать'; греч. *κύκλος*, *γῦρος* 'круг'; лат. *orbis* (< **x^w.rbh-*) 'круг'; в отношении значения 'сидеть' ср. англ. *squat* 'сидеть на корточках'. Сюда же

могут относиться дене-финские и индоевропейские корни со значением 'шея' (идея 'опоры': точка опоры головы).

Приведем примеры на *q' и *qh. Для полноты сравнения приводятся также родственные слова с *q.

Нутка 'atiq-, эским. *quya-*, алеут. *qaGasa-* 'благодарить' (особенно в церемониальной речи); яп. *iwawa-* 'поздравлять'; яп. *inoru-* 'молиться'; инук., юк. *atuG-*, яп. *utawa-*, кв. *q̄mt-* 'петь', нутка 'imt- 'пропеть слова песни'; нутка 'imt-ī, инук. и юк. *atig-*, алеут. *asya*, кут. -*ktē-*, нивх. *qha*, хайд. *kije*, нан. *garbu*, эвенк. *garbī*, эвен. *garbā*, т. юкг. *kijen* 'имя'; чук. 'ayya-, алеут. *igta-*, инук. *qainquyi-*, фин. *kutsu-*, саам. *goč'čō-* 'звать'⁷⁶; инук. *aitauG-* 'зевать'; нутка 'iq- 'выкрикивать (cry out)', 'iH- 'плакать'; нутка '-in 'sounding', чук. *q̄n̄neti-*, *q̄liletī-*, упалик. алеут. *qaG-*, алеут. *aGapi-* 'кричать'; юк. *q̄iya-*, инук. *q̄ia-*, алеут. *q̄ida-* 'плакать'; инук. *k̄iu-* 'отвечать'; инук. *q̄atī-* 'голос'; инук., юк. *q̄an̄iq* 'рот', 'говорить'; алеут. *adiq*, юк. *qaχtu*, инук. *qaGlu* 'губа'.

Нутка 'it-, кв. *q̄iq̄ik'ala*, чук. 'ir'e-, яп. *ituwāra-* 'говорить неправду'; алеут. *ata-sa-naq* 'кажущийся'; чук. 'atkewma 'неправильный'; может быть, фин. *kuje* 'шалость'⁷⁷.

Яп. о, кор. *k'ori*, тур. *kuyrük*⁷⁸, эвен. *irgā*, нан. *huugu*⁷⁹, кет. *xuht*, чук. *noyū'n*, нивх. *ḡiki*, кут. -*qat*, хайд. *t-kiata* 'хвост'; мар. *kutan-* 'зад'; нутка 'a-k̄li, 'a-q̄li 'задний'; алеут. *ačidaq*, инук. *iGquq* 'крестец'. Ср. лат. *cauda* 'хвост'.

Нутка 'inil, яп. *inu*, чук. 'itt'in, коряк. 'atta'an, нивх. *qan*, инук. *q̄iȳmiq*, эвенк. *ḡinak̄in*⁸⁰, кут. *xātc̄in*, хайд. *χa*, кор. *kā*⁸¹, сев.-кит. *k̄ēu*,⁸² бирм. *khwe*⁸³, фин. *koira*⁸⁴, морд. *kiska*, манс. *kūi'uw*, венг. *kutya*, тур. *köpek*, нен. *vane-ko*, к. юкг. *topo-ko*, ительм. *košx* 'собака'. Ср. лат. *canis* 'собака'.

Яп. *isi*, эвенк. *hisā*⁸⁵, удм. *iz*⁸⁶, хайд. *qhōga*, алеут. *qiganaq*, фин. *kivi*, морд. *k'ev*, венг. *kő*⁸⁷, т. юкг. *heyley*, ительм. *kov* 'камень'; кв. 'ikis, кет. *ges'*, юк. *qaugiaq* 'песок'.

Яп. *okī*, алеут. *aḡu*, инук. и юк. *aḡi-*, эвенк. *həgdi*, эвен. *əgžəp*⁸⁸, ительм. *xī-*, кет. *qe*, кор. *khūda*⁸⁹, мар. *kugu*, нан. *kātə* нен. *parka*⁹⁰ 'большой'.

Нутка 'uq-, кв. *klq-* (< *q̄ulq и *kulq) 'мочиться (о мужчине)'; нутка 'us-patu 'мочевой пузырь, желудок'; инук. *ittiGuq*, чук. 'ittī, венг. *hūgy* (< *qhuy), фин. *kusi*, удм. *kiz'*, саам. *guž'žā* 'моча'⁹¹; инук. *qui-*, мотор. *kunc*, сельк. *kūža-* 'мочиться'⁹²; нутка 'ič 'гнилой'; кв. *q̄is-* 'заплесневелый'; алеут. *itiG*, инук. *itiq* 'anus'; чук. 'el'el, коряк. 'al'al, ительм. *kelal*, нутка *Hic-mis* 'кал'; кв. *q̄at-* 'смердеть'; чук. *q̄iyetl̄in* 'anus', яп. *ūma-* 'гноиться'; яп. *abi-se-* 'обливать'. Возможно, контаминация корней *q.t 'зловонный' и *q.w 'проливать'. Ср. и.-е. *G.dh в нем. *Kot* 'грязь, кал'; с префиксом *s- в англ. *shit* (< *s-q.t) 'испражняться'; и.-е. *gh.w в санскр. *jūhō-ti*, греч. *χέω*, гот. *giutan*, нем. *gießen* 'лить', англ. *gut* 'кишка'; *x.wr в лат. *urīna* 'моча'.

Нутка *'amiq-* 'моллюск horsecclam'; юк. *amyak*, инук. (о-ва Барроу) *avyak* 'моллюск в раковине'.

Нутка *'iš-ī* 'лодыжка'; инук. *ataga-uk*, чук. *'aloče-* 'запястье'; чук. *'elewī* 'связывать'; нутка *'an-*, инук. *illāG-* 'латать'. Ср. и-е. **g.nw* в лат. *genū*, санскр. *jānu*, греч. *ῥόνυ*, нем. *Kn̄ie*, англ. *knee* 'колени'; греч. *ῥωνία* 'угол'; **x.ng* в лат. *angulus* 'угол', англ. *ankle* 'лодыжка'; **g.r* в нем. *krumm*, англ. *crooked* 'кривой'.

Сюри *ināgu*, яп. *onna*, инук. и юк. *aGnaq*, кет. *qim* 'женщина'; кв. *χ^wnk^w* 'дочь, дитя' (первое значение древнее — ср. нутка), нутка *Hak^w* 'дочь вождя'. Ср. и-е. **g^w.n* 'женщина' в греч. *ῥωνή*, русск. *женщина*, англ. *queen*. Индоевропейские и японо-окинавские формы происходят из **q^w.n*, а кетская, эскимосская и нутка — из удвоения **q^w.q^wn* с простым, глоттализованным или придыхательным начальным.

Нутка *Haṭa* 'почевать', кв. *χamas* 'leave all night'; кв. *qanul*, хайд. *qal*, алеут. *amag* 'ночь'; чук. *ameča-ti-* 'солнце заходит'; юк. *amiGlu* 'облако'. И.-е. **gh.rw* в нем. *grau*, лат. *ravus*, англ. *gray* 'серый'; **g.lw* в англ. *cloud*; **sq.t* в гот. *skadus*, нем. *Shatten*, англ. *shadow* 'тьнь'.

Нутка *hiH-* (из формы **hi-ghi-* с эксфиксом), инук. *āniG-* 'дышать'; кв. *xns-* 'дышать носом'; яп. *aeg-* 'задышаться'; яп. *aōg-* 'далеко'. Ср. и-е. **x.n* в лат. *animus* 'дыхание, жизнь'; **x.dh* в нем. *atmen* 'дышать'.

Приведем примеры на древние *š и *č — аугментативы от *š и *t, вместе с другими ступенями чередования тех же морфофоном.

Мар. *šōšte-* 'защищать от ветра или солнца'; нутка *tic-*, *tiH-*, хант. *sāyip*, коми *sayld* 'укрытие'; кв. *tix^w* 'циновка'; кв. *htka* 'защищать'; фин. *suoja*, саам. *suoggye*⁹³, алеут. *čačiq* 'укрытие'; коми *sayal-* 'укрываться'; чук. *č'iwī-rgin* 'передняя стена яранги'; инук. *situṇa-* 'протянутый'; чук. *č'orgirga-yṗin* 'полог'; алеут. *sutuq* 'парус'; алеут. *ču-* 'надевать', *čuga-* 'завернуть'. Возможно, санскр. *sanu-tar* 'в стороне, прочь', нем. *sondern* 'отделять', англ. *asunder* 'отдельно'; лат. *se-* 'от-, раз-', *sed* 'но', нем. *Segel*, англ. *sail* 'парус'.

Фип. *henki* 'дыхание, дух'⁹⁴; нутка *tim-aqsti*, др.-тибет. *sems* 'ум, дух'; чук. *čig'u*, др.-тибет. *sems*, навахо *-zin*, тлинг. *či* 'думать'; мар. *šim*, манс. *sim*, венг. *sziv*, фин. *sydän*, нен. *sēy*⁹⁵, сюри *čimu* 'сердце'.

Мар. *čoka* 'плотный, густой', коми *člk*, хант. *šoh*, манс. *šok*⁹⁶, нутка *luk^w*, кв. *lk^w* 'толстый'; тур. *çok*⁹⁷, мар. *šuki* (диалектный вариант слова *čoka*)⁹⁸, венг. *sok*, ительм. *tiwna*, манс. *sau*, яп. *taku-san*, сев.-кит. *tuē*⁹⁹, нивх. *tam-* 'много'; дагур. *šihe* 'много'¹⁰⁰, нен. *t'uku*, эвен. *čəlan*, мар. *čila*, тлинг. *t-takhat*, юкагир. *čumut* 'весь'; нутка *laya-*, *saya-* 'далеко'; хайд. *laḡhonan* 'большой'; инук. и юк. *takī-*, хайд. *čijkaṇ*, айн. *'otanne*, сев.-кит. *čhān*¹⁰¹ 'длинный'; в диминутивной ступени: чпв. *c'ūkarč*, кут. *-ca-*, яп. *tisai*, кор.

са . . k, айн. *ha-čiko*, сев.-кит. *ciāu* 'маленький'. Ср. русск. *толстый*, англ. *thick* 'толстый'; лат. *tumor* 'опухоль', англ. *thumb* 'большой палец' (по его толщине); англ. *tall* 'высокий'; диминутив по форме и значению: англ. *tiny* 'очень маленький'; диминутивное значение при нейтральной форме (в результате выравнивания начальных согласных, как в англ. *thick* и *thin?*) в лат. *tenuis*, русск. *тонкий*, англ. *thin* 'тонкий'.

Удм. *čogy-* '(за)колоть'; нутка *liH-* 'двигаться вперед носом, острие (о лодке и пр.)'; кв. *lhxu* 'push boards together', кв. *lχ-* 'вставить'; нутка *lupk-* 'клевать'; чук. *č'omī-thīn* 'конец'; алеут. *čuni-* 'колоть', алеут. *čugidaq* 'конец, острие', алеут. *čugaGu-* 'показывать пальцем'; алеут. *čaŋathi-* 'вставить'; инук. *siquq* 'колени'; нутка *čax^w* 'пронзать копьем'. Ср. также лат. *tange-re, tactum* 'касаться'; лат. *in-dicā-re*, греч. *δείκ-νорм*, нем. *zeigen* 'указывать', англ. *teach* 'учить'.

Морд. *čiv*, саам. *šuvva*, фин. *hyvä*¹⁰², кор. *čoh*¹⁰³, чпв. *-zuN*, кут. *-sōk-* 'хороший'; филип. *hyvin* 'очень, хорошо'; венг. *igen* 'очень, хорошо'; нутка *lut*, коми *šaŋ* 'хороший, красивый'; кв. *łwo* 'красивый'; чук. *čača-* 'вкусный', чук. *čupeti-* 'любить, желать'; тлинг. *lak*, нутка *čuš-*, пивх. *čuz-*, айн. 'asiri', сев.-кит. *šin*¹⁰⁴, бирм. *pit*¹⁰⁵ 'новый'; инук. *saluma-* 'чистый'; инук. *sapi-*, *supu-* 'сильный'. Ср. также санскр. *svādūh*, лат. *suavis*, англ. *sweet* 'сладкий' с и.-е. *s.w < *c'w; арх. лат. *duenos*, класс. лат. *bonus* 'хороший'; лат. *turpis* 'безобразный' из *c.wr с аугментативным консонантизмом и противоположным значением.

Хант. и коми *čik-*, манс. *šākit-*, фин. *hukka-* 'spoil'¹⁰⁶; кв. *laq-* 'прогорклый'; чук. *čimyi-*, инук. *siGnaG-* 'горький'; инук. *siŋaq*, кв. *thx^w-ms* 'желчь'; алеут. *čak-naq*, нутка *ciH-* 'кислый'.

ПОДГРУППЫ ДЕНЕ-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ

Дене-финские языки образуют, по нашей терминологии, группу первого порядка, т. е. такую, все языки которой могут быть расположены цепочкой так, что любые два соседних языка разделяются не более чем 50 мин. столетиями дивергенции.

В составе дене-финской группы можно выделить группы второго порядка, т. е. такие, все языки которых можно расположить цепочкой, и при этом любые два смежных в цепочке языка разделяются не более чем 40 мин. столетиями дивергенции.

В соответствии с нашими подсчетами, группами второго порядка являются:

1. Урало-алтайские языки (финно-угорские, самодийские, юкагирский, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские).

2. Енисейские языки (всего науке известно четыре языка: кетский, котский, аринский и асапский; мы располагаем диагностическим списком лишь для кетского).

3. Чукотско-камчатские языки. Включают две ветви: чукотско-корякскую (чукотский, корякский, алюторский, керекский языки) и ительменский (камчадалский) язык (в настоящее время представлены два говора: хайрюзовский и седанкинский).

4. Эскалеутские языки. Включают две ветви: алеутский язык (с двумя или тремя диалектами) и эскимосская ветвь, состоящая по меньшей мере из двух языков: юкского (на юге Аляски и на Чукотке) и инукского (в полярных областях Северной Америки от Аляски до Гренландии); каждый из этих языков представлен многими диалектами.

5. Вакашские языки. Сюда относятся группа квакиютль (языки хайльцук, квакиютльский) и группа нутка (языки нутка, нитинат, маках).

6. Языки на-дене. Сюда относится язык хайда (с двумя диалектами) и группа ка-дене, состоящая в свою очередь из языка тлингит и эяк-атапаскской группы. Последняя включает эяк и атапаскскую семью языков (языки маттоле, навахо, чипевьян и многие другие).

7. Кутенай — изолированный язык.

8. Японские: японский язык, рюкюский язык (последний включает диалекты сюри, йонаминский и многие другие).

9. Айнский и нивхский языки обнаруживают столько сходных элементов в диагностическом списке, что их, видимо, можно объединить в одну группу второго порядка. На 96 пар слов приходится 29 предположительно родственных (30%, т. е. 40 мил. столетий, что соответствует по определению группе второго порядка). Среди этих предположительно родственных элементов есть и спорные, но есть спорные и среди тех, которые засчитаны неродственными. Дальнейшие исследования помогут уточнить этот вопрос. Пока в предварительном порядке будем рассматривать айнский и нивхский языки в качестве одной группы второго порядка. Приводим список предположительно родственных слов: 'этот' *tan ti*, 'тот' *ta-ah a-*, 'большой' *poro pila-*, 'рыба' *čeh čo*, 'шея' *re-kuh qhos*, 'человек' *a-uni nivx*, 'волосы' *nuna niŋg*, 'не' *hanehka gay-*, 'лететь' *pārahse piy-*, 'белый' *tetara to-vla-*, 'дать' *konte -kim-*, 'ночь' *ukuran urk* (айн. *ukuran* < *urkuran?), 'гора' *ni-puru pal* (айн. *ni-puru*, возможно, из сочетания со значением 'земельное возвышение' с первым элементом, тождественным эским. *nuna* 'земля (land)' или первому компоненту в нутка *ni-čī* 'гора' из 'земельный зуб'), 'спать' *mo-koro qho-*, 'огонь' *unčī u-*, 'сказать' *yē it-*, 'сидеть' *roh -thiv- / -riv-*, 'много' *renkayne tam-*, 'вошь' *rasi tar*, 'путь' *rū tif*, 'полный' *esisteh čar-*, 'новый' *asiri čuz-*, 'сухой' *sahteh če-*, 'мы' *anoka-yahGin niy*, 'женщина' *mahtekuh umgu*, 'нога (foot)' *kema ŋit*x*, 'яйцо' *noyohko noyag* (видимо, *n-q > *ŋ* > айн. *n*, но, конечно, древний префикс не обязательно должен был присутствовать в тех же словах). Другие возможные

родственные слова: 'один' *sineh ni*, 'есть' *'ē inī-*, 'облако' *niskuru lax*.

10. Корейский язык.

11. Китайская группа, включающая гуаньхуа (севернокитайский), у, фуцзяньский, кантонский, хакка. Гуаньхуа в настоящей работе представлен пекинским диалектом.

12. Тибето-бирманские языки. Мы располагаем диагностическим списком для бирманского языка.

СВЯЗИ МЕЖДУ ПОДГРУППАМИ ДЕНЕ-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ

Группа языков первого порядка — это такая, где языки можно расположить цепочкой так, чтобы любые два соседних языка были разделены дивергенцией не более чем в 50 мин. столетий. Чтобы признать дене-финские языки группой первого порядка, нужно расположить подгруппы языков в соответствующей последовательности.

Кетский ближе всего стоит к юкагирскому языку урало-алтайской подгруппы. Хотя наши материалы о кетском языке фрагментарны и есть много сомнительных моментов в фонологии и этимологии, нам представляется, что следует включить кетский язык в дене-финскую группу. Если дальнейшие исследования покажут, что процент родственных слов в диагностическом списке меньше, придется исключить кетский язык из дене-финских, но и тогда он, видимо, окажется близко связанным с дене-финскими. Сопоставление кетского с колымским диалектом юкагирского обнаруживает 16 предположительно родственных слов из 59 (т. е. 27⁰/₁₀₀, что соответствует, при введении корректив на краткость списка, 47 мин. столетиям): 'ходить' *on hon*¹⁰⁷, 'черный' *tums⁹ toro*, 'дать' *qitkitin key/tati*, 'мужчина' *xixi kote*¹⁰⁸ (ср. кет. *ket* 'человек'), 'собака' *tip topoko*¹⁰⁹, 'красный' *s⁹ul⁹im čahale*¹¹⁰, 'горячий' *ant⁹n anlu*¹¹¹, 'кто' *an⁹i*¹¹² *kin*¹¹³, 'не' *at ele-*¹¹⁴ (возможно, кет. *at* < *ar по фонетическим законам), 'этот' *ki-d⁹i tin*¹¹⁵, 'много' *on⁹* (< *qhoni) *mon⁹ey*¹¹⁶ (< *mon-qey), 'кожа' *ipolt har* (кет. *ipolt* < **n-qor?*), 'знать' *itij-lesa leyti*, 'земля' *ban le-pe*¹¹⁷, 'вода' *ul⁹ očile*¹¹⁸, 'лежать' *d-utoqat hoto*.

Колымский диалект юкагирского и чукотский содержат 25 родственных пар слов из 87 (28⁰/₁₀₀, 42 мин. столетия): 'я' *met* (g)-*m*, 'ты' *tet* (g)-*t*, 'мы' *mit muri*, 'кто' *kin mi-k⁹n-*, 'не' *ele...ni* *u⁹pe*, 'много' *mepele*¹¹⁹ -*mk'e*, 'два' *atak nireq*, 'большой' *tem'amon*¹¹⁹ *tey⁹i-l'in*, 'мужчина' *kote*¹²⁰ *qilawil*, 'рыба' *annil inn⁹en*, 'корень' *larhu ninil*, 'кожа' *har gilgil*, 'хвост' *lahil nalgi-poy⁹in*, 'нос' *yoku yeqa'aq*, 'зуб' *toti rinni-lg⁹n*, 'знать' *leyti ligi-*, 'спать' *yonto yilqet*, 'камень' *pe*¹²¹ *vikvin*, 'путь' *čatile t⁹ila-g⁹irg⁹n*, 'красный' *čahale -čelg-*, 'черный' *epipey -w-*, 'холодный' *čieče č'ečey-*, 'хороший' *otoč -mel-*, 'сухой' *kelečte kirg⁹-*, 'имя' *niv*¹²² *ninne*.

Колымский диалект юкагирского и нивхский имеют 22 общих слова в 89 парах слов (25⁰/₀, 46 мин. столетий): 'ты' *tet či*, 'мы' *mit mer*, 'этот' *tij tī-*, 'кто' *kin an*, 'весь' *čumut sik*, 'много' *me-ye-li malGo-*, 'собака' *topo-ko qan*, 'мясо' *čul tʹus*, 'кость' *on-mut*¹²³ *murki*, 'рот' *aya*¹²⁴ *iŋg*, 'ноготь' *tukne*¹²⁵ *tikñ*, 'колено' *čuturi*¹²⁶ *čič-x*, 'есть' *lew*¹²⁷ *-iñi-*, 'видеть' *yuo yauma*, 'слышать' *meti mī-*, 'убить' *kutete -khu-*, 'дать' *key -kim-*, 'камень' *pe pa-x*, 'гора' *pe pal*, 'дым' *titi*¹²⁸ *ra-*, 'черный' *epipeye piu-*, 'круглый' *romney pulk-*.

Нивхский и ительменский дают 13 пар родственных слов из 42 слов диагностического списка (37⁰/₀, т. е. с поправкой на краткость списка 47 мин. столетий): 'мы' *mer tuua* (чук. *muri*), 'этот' *tī-ti*, 'тот' *hī- henñin*, 'не' *qay-qa-*, 'много' *tam- tivna*, 'собака' *qan ko-šx*, 'шея' *qhos xeylīn*, 'есть' *iñi- nu*, 'спать' *qho-ñikš*, 'путь' *tif k-txoš-*, 'кто' *an ke*, 'ты' *či -ya* (< *ra, ранее *ta), 'камень' *pa-x wan*.

Чукотский и кутенай имеют 23 пары родственных слов на 95 пар (25⁰/₀, или 46 мин. столетий): 'я' *gm kamīn-*, 'тот' *notqen qō*, 'кто' *mī-kīn- qata*, 'не' *qīrīm qa*. 'длинный' *iwil- -uu*, 'собака' *itt'in xātcīn*, 'корень' *kenmī- -krukām*, 'кожа' *kuqta gūlgin*, 'хвост' *noyyīn -qat*, 'слышать' *kīrwir -quwat*, 'яйцо' *lewīt -tām*, 'глаз' *lile -qtit*, 'нос' *iñiy -kon*, 'ноготь' *alqip -kukp*, 'колени' *ñira- -qan*, 'шея' *itīn -kōkāk*, 'сердце' *linliñ -twey*, 'слышать' *walom- -pał*, 'солнце' *tirttir na-tanēk*, 'гореть' *iner- -aqako-*, 'горячий' *č'e't -cmāk*, 'круглый' *qoloq- -qanquwat-*, 'сухой' *kīrgī-l'in -hituk*.

Чукотский и инуковский — 22 родственных пары из 96 (23⁰/₀, 49 мин. столетий): 'ты' *-t -t*, 'мы' *m-urī uvag-ut* (ср. также *-vut* в инук. личном окончании), 'кто' *mī-kīn- kina*, 'не' *-ke -ññi-laq*, 'длинный' *-riraqen taki-*, 'лететь' *riyek-wa- tiymī-*, 'маленький' *miqil'i- miki-*, 'нос' *iñiy qīyaq*, 'нога' *gūtka- isigak* (в барроуском диалекте *itigak*), 'живот' *nanqīn nāq*, 'убить' *iim- tuqut-*, 'песок' *čimčgey siuGaq*, 'земля (land)' *nute- nuna*, 'гора' *negne qaqqaq*, 'ночь' *nikirit unnuaq* (< *unugaq), 'сухой' *pī'a- paniG-*, 'вода' *mī-mil imiq*, 'перо' *teñi- suluk*, 'лежать' *rilit-wa- nala-*, 'много' *miki-a-miGlasū-t*, 'лист' *witwīt pulu*, 'солнце' *tirttir siqi-niq*, 'сердце' *liñliñ ūmmat* (ср. ительм. *luñuluñu-* и юк. *uñvan*; видимо, в эскимосских эксфигированное *ulñu, инук. *ūmmat* < *ulñvat), 'мужчина' *qīlawil aput* (из разных альтернантов **q.n*). Не засчитаны следующие случаи возможного родства: 'шея' *itīn qīya-siq*, 'собака' *itt'in qīymiq*, 'голова' *lewīt nīyaq*.

Из эскалеутско-вакашских сопоставлений максимальные результаты дает сопоставление алеутского и квакиютльского (26 родственных пар слов из 97; т. е. 26⁰/₀, или 45 мин. столетий): 'кто' *kīn 'n-kʷa*, 'мясо' *uluq 'ls*, 'кровь' *āmag 'lkʷ-* (ал. *āmag* < *augma, ср. эским. *aik*, где эскалеут. *u < *l перед согласным), 'кость' *qag-nag qaq*, 'голова' *katgiq xims*, 'нос' *anGu-siq xp-cas* (поморфемно алеут. 'дыхания орудие', 'дыхало', кв.

‘дыхания вместилище’, ‘дыхалище’), ‘зуб’ *kigu-siq kke*, ‘кусать’ *kig- qk* (разные варианты того же корня, что и в значении ‘зуб’), ‘вошь’ *kituq qin*, ‘ходить’ *aka- qhas-*, ‘звезда’ *sdaq tutu*, ‘земля’ *čiqiq sq^w-*, ‘путь’ *takaluq tx-*, ‘горячий’ *čiyliq člq^w-*, ‘хороший’ *iga-tanaq 'yk*, ‘ноготь’ *qagalgik qeč-m*, ‘рука (hand)’ *čaq 'a'ya-su* (ср. инук. *aššaq* ‘палец’), ‘пить’ *taqa- naq-*, ‘гореть’ *īgi- xiq-*, ‘гора’ *qayaq nke* (ср. нутка *nu-čī* < *nu-kay, первый компонент сопоставим с инук. *nuna* ‘land’), ‘я’ -*η nu(k^wa)*, ‘не’ *kugū kis*, ‘птица’ *saq čik^wa*, ‘семя’ *qasaq qawq^wlytawa*, ‘корень’ *čiqidaq lupk*, ‘кора’ *qačGaq čaq*, ‘жир’ *čaduq lha'chx^wa*. Возможно, родственны также: ‘нога (foot)’ *kitaq kuk^w-yo*, ‘колено’ *čidgidaq lax^w-*, ‘сидеть’ *u'wiči k^wa*, ‘сказать’ *tunu nik*, ‘облако’ *inkamaguq 'nwi*, ‘круглый’ *qimadguq khlkhl-a*.

Алеутский и кутенай имеют 24 общих слова из 95 пар (26⁰/₀, или 45 мин. столетий): ‘этот’ *nikun na*, ‘тот’ *naman ney*, ‘кто’ *kīn qata*, ‘что’ *qata qapsin*, ‘не’ *kugū qa-*, ‘маленький’ *kiju- kca-qina*, ‘мужчина’ *taiyaguq titqāt*, ‘рыба’ *qaq kiakxo*, ‘птица’ *saq tuq-cqamna*, ‘лист’ *kučukan -qotaq-pik*, ‘кора’ *qaxGaq -cqāt*, ‘кожа’ *qačGiq -kuqta*, ‘мясо’ *uluq -utaks*, ‘яйцо’ *sa-mlaq -maqan*, ‘зуб’ *kigu-siq- qunān*, ‘ноготь’ *qigalgik -kukp*, ‘рука’ *čaq -acqa-hey-*, ‘ходить’ *aka- qacč-*, ‘камень’ *nuq -nok*, ‘огонь’ *qiG-naq -in'qokō*, ‘гореть’ *īgi- aqako-*, ‘дать’ *agi- cka-kin*, ‘черный’ *qagčc qoqūqikōt-*.

Кутенай и хайда (представитель группы на-дене) имеют 23 общих слова из 85 пар (27⁰/₀, 43 мин. столетия): ‘этот’ *na anay*, ‘кто’ *qata kisto*, ‘что’ *qapsin kus*, ‘не’ *qa- kam*, ‘собака’ *xāt-cin xa*, ‘кожа’ *-kuqta qal*, ‘мясо’ *-xma khīq*, ‘жир’ *tinamu- tho*, ‘хвост’ *-qat t-kiata*, ‘голова’ *-kotamkak qhačī*, ‘ухо’ *-quwat ku*, ‘нос’ *-kon khun*, ‘шея’ *-kūkāk xil*, ‘пить’ *kakuxa xut*, ‘спать’ *-qum'pē- qa*, ‘ходить’ *-qācē qha*, ‘прийти’ *qūkān ku'e*, ‘дать’ *-cka-kin- sqa*, ‘вода’ *-ku qan'l*, ‘дым’ *yaytti qayun*, ‘гореть’ *-aqako- qoka*, ‘зеленый’ *haqtoyiit-qolqolan*, ‘черный’ *qoqūqikōt- t-qat-* (ср. хайд. *qal* ‘ночь’), ‘имя’ *-ktē kiye*. Тлингит-кутенайское сопоставление дает 43 мин. столетия, навахо-кутенайское — 49 мин. столетий.

Кутенай и квакиютльский имеют 22 общих слова на 94 пары (23⁰/₀, или 49 мин. столетий): ‘кто’ *qata 'n-k^wa*, ‘не’ *qa- kis*, ‘большой’ *-wit- wālas*, ‘птица’ *tuq-cqamna čik^wa*, ‘кора’ *-čqāt čaq*, ‘мясо’ *-utaks 'ls*, ‘нос’ *-kon xp-cas*, ‘зуб’ *-qunā kke*, ‘ноготь’ *-kukp qeč-m*, ‘шея’ *-kōkāk qūqūna*, ‘сосок груди’ *cu'u sa'm*, ‘ходить’ *-qācē qhas-*, ‘прийти’ *qōkās kač*, ‘лежать’ *-ok-kik k^wl-*, ‘дать’ *-cka- čo*, ‘вода’ *wi'u wā-p*, ‘песок’ *-kinkokōt 'ikis*, ‘огонь’ *-nqoko- lq^w-*, ‘пепел’ *-oko q^wna*, ‘горячий’ *-cmāk člq^w-*, ‘холодный’ *-itko- wta*, ‘круглый’ *qanquwat- khlkhl-a*.

Квакиютльский и хайда (представляющие соответственно группы вакашскую и на-дене) имеют 23 общих слова на 85 пар (27⁰/₀, или 43 мин. столетия): ‘этот’ *ka kay*, ‘кто’ *'n-k^wa kis-to*, ‘не’ *kis kam*, ‘много’ *qī qu'an*, ‘женщина’ *čtaq čāta*, ‘птица’ *čik^wa xe-thit*, ‘кость’ *xaq s-kučī*, ‘перо’ *člčlk t-lākun*, ‘голова’ *xu-ms qhačī*, ‘глаз’ *qyaqs xa'wi*, ‘нос’ *xp-cas khun*, ‘шея’ *qūqūna xil*, ‘пить’ *naiq-*

nit, 'ходить' *qhas-qha*, 'прийти' *kaḡ ku'e*, 'лежать' *k^wl-go*, 'сидеть' *k^wa qá'u*, 'камень' *tis-m tis*, 'земля' *sq^w-lkā*, 'дым' *k^wax-la qayu*, 'ночь' *qanul qal*, 'длинный' *klta čin-kaḡ* (в хайда, видимо *k > č перед передними гласными), 'зуб' *kke čin*.

Навахо (группа на-дене) и японский имеют 25 общих элементов из 99 пар (25%, 46 мин. столетий): 'ты' *ni anata*¹²⁹, 'длинный' *-nēz nagai*, 'мужчина' *ti-né otoko*, 'рыба' *tō sakana*, 'птица' *chitī tori*, 'семя' *-nā tane*, 'кожа' *-kháki kawa*, 'кровь' *tit ti*, 'рог' *-tē tuno*, 'живот' *-pit hara*, 'шея' *-k'os kubi*, 'знать' *-sin sir-*, 'умереть' *-chán sinu*, 'лететь' *-t'a tobu*, 'прийти' *-gáh ku-*, 'ходить' *-káḡ aruku*, 'лежать' *-thiN ne-te*, 'сидеть' *-tá suwat-te-*, 'камень' *che isí*, 'песок' *seí suna*, 'облако' *k'os kumo*, 'путь' *'a-thiN miti*, 'горячий' *-to atu-i*, 'полный' *-pin ipra-i*, 'хвост' *o -chē* (яп. $o < *čhcqho$ или $*qoqo$, навахо *chē* < атап. $*khē$).

Японский и кутенай имеют 24 общих слова из 96 пар (25%, 46 мин. столетий): 'ты' *anata ninko*, 'маленький' *tīsa-i-ca-*, 'мужчина' *otoko titqāl*, 'птица' *tori tuq-camna*, 'собака' *inu xāt-cin*, 'кора' *kawa-čqāt*, 'кожа' *kawa -kuqta*, 'мясо' *niku -utaks*, 'хвост' *o -qat*, 'волосы' *ke -quwat*, 'шея' *kubi -kōkāk*, 'кусать' *kami-tuk-it-xa*, 'спать' *ne- qū'm-nē-* (кут. также *-tēs-*), 'прийти' *ku- qōkān*, 'ходить' *aru-ku -qan-/-qqācē-*, 'луна' *tuki na-tanēk*, 'облако' *kumo -qat*, 'черный' *kuro-i oqoqikōt*, 'горячий' *atu-i -atme-*, 'яйцо' *tama-go -ta-qan*, 'путь' *miti -ma*, 'желтый' *kīro-i -kat-*, 'полный' *ipra-i qar-xōsē*, 'сидеть' *suwat-te -saq-*.

Кутенай и айнский имеют 26 общих слов из 96 (27%, 43 мин. столетия): 'я' *kamin ku-*, 'что' *qapsin hemata*, 'не' *qa- ha-nehka*, 'все' *-ōkē- čkore*, 'маленький' *kcaquna hačiko*, 'птица' *tuq-cqatna čikar*, 'рог' *-qtē kiraw*, 'ухо' *-quwat kisaru*, 'глаз' *-qtit sis*, 'язык' *waṭunak aw*, 'шея' *-kōkāk re-kuh*, 'сердце' *-twey san-pa*, 'пить' *-kuh kū*, 'собака' *xāt-cin seta*, 'кора' *-čqāt kah*, 'кожа' *-kuqta kah*, 'мясо' *-xma kam*, 'жир' *-qūtāt kiripu*, 'спать' *-qū'mnē mo-koro*, 'ходить' *-qqācē 'ahkas*, 'дать' *-hmat- konte*, 'солнце' и 'луна' *na-tanēk čuh*, 'вода' *wū'u wahka*, 'облако' *-qat nis-kuru*, 'черный' *oqoqikōt-kurasno*, 'гореть' *aqako hukau*.

Японский и айнский имеют 25 общих слов из 99 (25%, 46 мин. столетий): 'не' *nai ha-nehka*, 'много' *taku-san renkaune*, 'маленький' *tīsaí hačiko*, 'рыба' *sakana čeh*, 'кора' и 'кожа' *kawa kah*, 'кость' *hone poni*¹³⁰, 'рука (hand)' *te tek*, 'шея' *kubi re-kuh*, 'сердце' *sin-zō san-pe*, 'кусать' *kami-tuku kurara*, 'ходить' *aru-ku 'ahkas*, 'стоять' *tatte- 'etaras*, 'сидеть' *suwat-te rch*, 'дать' *age- konte*, 'сказать' *yū yē*, 'камень' *ist suma*, 'земля' *tuti toy*, 'облако' *kumo nis-kuru*, 'черный' *kuro-i kurasno*, 'красный' *aka-i hūre*, 'белый' *siro-i tetara*, 'имя' *pamae* (др.-яп. *pa*) *rē*, 'птица' *tori čikar*, 'луна' *tuki čuh*.

Японский и корейский языки имеют 25 общих слов из 99 (25%, 46 мин. столетий): 'мы' *watasi-tati*¹³¹ *uridīr*¹³², 'не' *nai an*, 'все' *mina motu*¹³³, 'длинный' *na-gai kīr*, 'маленький' *tī-cai ča.(k)*¹³⁴, 'рыба' *sa-kana koki*, 'кора' *kawa k'ap-čir*, 'кость' *hone p'ul*, 'язык'

sita hyl, 'ноготь' *tume -thop*¹³⁵, 'живот' *hara pā*¹³⁶, 'сердце' *sin-zō*¹³⁷ *sim-čay*¹³⁸, 'печень' *kimo kan-čay*¹³⁹, 'пить' *nomu ml..(k)*¹⁴⁰, 'умереть' *sinu su..(k)*, 'ходить' *aruk-kl..(r)*¹⁴¹, 'лежать' *nete-nuw-i..(s)*¹⁴², 'луна' *tuki tar*¹⁴³, 'вода' *mizu mur*¹⁴⁴, 'облако' *kumo kurim*¹⁴⁵, 'черный' *kuro-i klm-*, 'горячий' *atu-i t'ik..(w)*¹⁴⁶, 'имя' *namae irim*, 'огонь' *hī pur*¹⁴⁷, 'хвост' *o k'ori*.

Айнский и корейский имеют 24 общих слова из 98 (24⁰/₀, 47 мин. столетий): 'кто' *nāta nuku*, 'что' *he-mata mlut*¹⁴⁸, 'не' *hanehka an*, 'два' *tuh tūr*¹⁴⁹, 'маленький' *ha-čiko ča..(k)*¹⁵⁰, 'птица' *čikar sā*¹⁵¹, 'дерево' *nī namu*, 'кора' *kah k'ar-čir*, 'мясо' *kam koki*, 'кость' *poni p'ul*, 'жир' *kiripu kirim*, 'перо' *rah thar*¹⁵², 'зуб' *imah ī*, 'сердце' *san-pe sim-čay*¹⁵³, 'ходить' *'akhas kl..(r)*¹⁵⁴, 'облако' *nis-kuru kurim*¹⁵⁵, 'черный' *kurasno klm-*, 'новый' *asiri sāro..(w)*¹⁵⁶, 'лист' *yam ip*, 'ухо' *kisarū kwī*, 'луна' *čuh tar*¹⁵⁷, 'камень' *suma tōr*¹⁵⁸, 'горячий' *sēseh t'ik..(w)*¹⁵⁹, 'имя' *rē irim*.

Корейский и современный китайский (пекинский диалект) имеют 23 общих слова из 100 пар (23⁰/₀, 45 мин. столетий): 'мы' *uridīr*¹⁶⁰ *uē-men*¹⁶¹, 'что' *mlut sēm-me*¹⁶², 'все' *mo-tu*¹⁶³ *tēu*¹⁶⁴, 'маленький' *ča..(k)*¹⁶⁵ *siāu*¹⁶⁶, 'мужчина' *nam-ča nān-ren*¹⁶⁷, 'человек' *sāram rēn*¹⁶⁸, 'собака' *kū*¹⁶⁹ *kēu*¹⁷⁰, 'семя' *s'ī č'ū-*¹⁷¹ *ip iē*¹⁷², 'зуб' *ī tā*¹⁷³, 'рука' *shon šeu*¹⁷⁴, 'язык' *hyl sē*¹⁷⁵, 'ноготь' *-thop čičiā*¹⁷⁶, 'печень' *kan-čay kān*¹⁷⁷, 'слышать' *tī..(t) thū*¹⁷⁸, 'умереть' *čū..(k) sī-*¹⁷⁹ *čuki tā-sī*¹⁸⁰, 'сидеть' *anči..(s) cūē*¹⁸¹, 'стоять' *sl'..(s) čān*¹⁸², 'гора' *san sān*¹⁸³, 'черный' *klm hēi*¹⁸⁴, 'новый' *sāro..(w) sin*¹⁸⁵, 'спать' *ča šuei-ciāu*¹⁸⁶, 'сердце' *sim-čay sīn*¹⁸⁷.

Современный китайский (пекинский диалект) и бирманский языки имеют 24 общих слова на 92 пары (26⁰/₀, 45 мин. столетий): 'человек' *rēn lu*¹⁸⁸, 'собака' *kēu khwe*¹⁸⁹, 'лист' *iē*¹⁹⁰ *ī-ywet*¹⁹¹, 'кровь' *sūč pwe*¹⁹², 'волосы' *fā za-pin*¹⁹³, 'глаз' *iān-ciy muet-si*¹⁹⁴, 'нога' *ciāu che*¹⁹⁵, 'шея' *līn le-pin*¹⁹⁶, 'есть' *chī sa*¹⁹⁷, 'слышать' *thiy-cian ča*¹⁹⁸, 'умереть' *sī*¹⁹⁹ *pe*²⁰⁰, 'убить' *tā-sī*²⁰¹ *pat*²⁰², 'прийти' *lāi la*²⁰³, 'солнце' *rī ne*²⁰⁴, 'сосок груди' *rū-fan no*²⁰⁵, 'путь' *lū lan*²⁰⁶, 'желтый' *hiāu wā*²⁰⁷, 'белый' *pāi phyu-*²⁰⁸ *sin-*²⁰⁹ *pit*²¹⁰, 'хороший' *hāu kaun*²¹¹, 'круглый' *iān wayn*²¹², 'длинный' *čhān še*²¹³, 'стоять' *čān-čī*²¹⁴ *tha*²¹⁵, 'камень' *šī-čauk*²¹⁶.

Сопоставляя корейский язык и нанайский (как представитель урало-алтайских), находим 23 общих элемента из 99 пар (23⁰/₀, 49 мин. столетий): 'два' *tūr d'uer*²¹⁷, 'большой' *khīta kātā*²¹⁸, 'длинный' *kīr ngonimi*²¹⁹, 'мужчина' *nam-za husə-nay*²²⁰, 'человек' *sā-ram nay*²²¹, 'дерево' *namц mō*²²², 'семя' *s'ī u-sə*, 'кора' *k'ar-čir horakta*²²³, 'рог' *p'ur*²²⁴ *pumtu*, 'хвост' *k'ori huygu*²²⁵, 'перо' *thar dəgdəčā*²²⁶, 'глаз' *nun na-sa-l*²²⁷, 'язык' *hyl sipmu*²²⁸, 'шея' *tok moyon*²²⁹, 'пить' *mo..(k) omio-ri*²³⁰, 'вода' *mur mie*²³¹, 'слышать' *tī..(r)*²³² *dōlžī*²³³, 'камень' *tōr žobo*²³⁴, 'новый' *sāro..w sikūn*²³⁵, 'сидеть' *an-čī..s*²³⁶ *tə-si*²³⁷, 'ноготь' *-thop čava-hta*²³⁸, 'нога' *par bəgžī*²³⁹, 'горячий' *t'ik..w uduri*.

Урало-алтайские языки довольно тесно связаны с индоевропейскими (В. Collinder, *Indo-uralisches Sprachgut*. — «Uppsala Universitets Årsskrift». Uppsala, 1934). Лексикостатистическое сравнение финского и английского языков дает 19% общих слов в диагностическом списке, что соответствует 60 мин. столетиям дивергенции: 'я' *minä me*²⁴⁰, 'этот' *tuu this*, 'тог' *tänä that*, 'кто' *kuka who*, 'много' *moni many*²⁴¹, 'мужчина' *ihminen man*²⁴², 'семья' *siemen seed*²⁴³, 'ухо' *korva ear*²⁴⁴ (ср. гот. *ausjō* и лат. *auris* из и.-е. **x.wsy.*, связанного с корнем в значении 'слыпать'), 'слышать' *kuul-*²⁴⁵ *hear*, 'нос' *nenä*²⁴⁶ *nose*, 'рука' *käsi*²⁴⁷ *hand*, 'шея' *niska neck*²⁴⁸, 'сидеть' *istua sit*²⁴⁹, 'звезда' *tähti star*²⁵⁰, 'вода' *vesi water*²⁵¹, 'гореть' *palaa burn*²⁵², 'желтый' *keltainen*²⁵³ *yellow*, 'холодный' *kylmä cold*²⁵⁴, 'имя' *nimi name*²⁵⁵.

С. Хаттори в 1957 г. показал связи японского с индонезийскими языками. Наибольшее количество общих слов японский обнаруживает с языком ами (Таïвань) — 12 общих слов из 76 (16%, 54 мин. столетия дивергенции).

Нутка (вакашская группа) и язык квилеут (семья чимакум) дают 16 общих слов из списка в 84 пары слов (19%, или 60 мин. столетий): 'не' *wik wa*, 'много' *'aya 'i-š*, 'все' *Načat-xabā*, 'голова' *tuH- tihqu*, 'нос' *niča disūsit*, 'собака' *inil kadidu*, 'земля' *čakumčiča'ati'lit*, 'облако' *tivaH- lila* (ср. кв. *liva* 'небо', возможно, из *s-liw), 'новый' *čuš- čata*, 'жир' *lac likqūt*, 'дерево' *laq-apt lā'ūčiyit*, 'стоять' *la-kiš- ča'yaxu* (этот корень связан с предыдущим и последующими корнями — в значениях 'дерево' и 'сидеть'), 'сидеть' *liq^w- la'i'i*, 'мясо' *čisq-mis čahsk^wit*, 'два' *'ala ta'aw*, 'один' *čawā- wāt*, 'звезда' *latūs lututu'ut*.

Для сравнения вакашских языков и языков пенутиа сопоставляем квакиютльский и шахатинский языки. Находим 19 общих слов из 99 (19%, 60 мин. столетий): 'я' *ni* ('-)*ni*, 'мы' *ni na-may*, 'этот' *ka či*, 'не' *kis čaw*, 'кусать' *čk- čan-*, 'длинный' *kila katlam*, 'много' *qi xlak*, 'полный' *quła kek^m*, 'мужчина' *wism 'winš*, 'мясо' *'ls nukt*, 'рот' *sms 'm* (ср. кламат. *sum*, показывающее, что шахант. < *s); 'зуб' *kke kštn*, 'умереть' и 'убить' *ča lyaui-t*, 'стоять' *čax^w tutik*, 'сказать' *nik-na-t*, 'огонь' *lq^w- 'ilk^wš*, 'черный' *čuta čtuk*, 'один' *nm laxs*.

Для сравнения языков на-дене с цимшиано-чинукскими языками сопоставляем тлингит и цимшианский язык. Находим 18 общих слов из 92 (19%, 60 мин. столетий); 'не' *t 'atk*, 'все' *t-takhat txa'ni*, 'человек' *qha ket*, 'птица' *šuck čuč*, 'лист' *kha-yani yens*, 'кожа' *t-kumet kot*, 'волосы' *čaw kaws*, 'глаз' *waq wlil*, 'ноготь' *čak ktexs*, 'нога' *čus 'si*, 'колено' *kheyxa kalkaysu*, 'убить' *čaq sekt*, 'приятн' *hat-kut kal*, 'солнце' *gakan kemk*, 'гора' *šan szanist*, 'черный' *tuč lock*, 'ночь' *that 'etk*, 'холодный' *kusa'at k^watk*.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Диагностические списки слов любезно предоставили мне: по корейскому и айнскому языку — Сиро Хаттори, по корейскому и дагурскому языкам — Сэмьюэл Мартин, по нивхскому языку — Роберт Аустерлиц и В. З. Панфилов, по различным финно-угорским языкам, по турецкому и ненецкому — Ало Раун, по языку навахо — Маргарет Алли, по языку чипевьян — Ли Фан-гуэй. О. С. Ахманова и Г. А. Меновщиков любезно предоставили в мое распоряжение работы, изданные в СССР, Б. Коллиндер, Й. Редер и Н. Поппе помогли мне приобрести публикации в соответствующих областях языковедения.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- K. Bergsland. Aleut demonstratives and the Aleut-Eskimo relation ship. — IJAL 17, 1951.
О н же. Aleutisk-Eskimoisk. København, 1953.
О н же. A Grammatical outline of the Eskimo language of West Greenland. Oslo, 1955.
О н же. Some problems of Aleut phonology. — «For Roman Jakobson», 1956.
F. Boas. Kwakiutl grammar with a glossary of the suffixes. — Transactions of the American Philosophical Society 37, 1947.
P. Garvin. Kutenai. — IJAL 14, 1948, 17, 1951.
R. H. Geoghegan. The Aleut language. Washington, 1944.
P. E. Goddard. Athapaskan (Hupa). — HAIL 1911.
О н же. Has Tlingit a genetic relation to Athapaskan? — IJAL 1, 1920.
L. L. Hammerich. Can Eskimo be related to Indo-European? — IJAL 1, 1957.
П атт о р и Ш и рō (Хаттори Сиро). О методе глоттохронологии и временной глубине в праапонском языке. — «Гэнго кэнкю» 1953.
О н же. Глоттохронологическое исследование трех окинавских диалектов. — «Миндзокугаку кэнкю» 19, 1955.
О н же. Ниппонго-но кэйтō (Происхождение японского языка). Токио, 1959.
H. Hoijer. The Chronology of the Athapaskan languages. — IJAL 22, 1956.
D. H. Pyles. Na-Dene and positional analysis of categories. — AA 58, 1956.
О н же. A Note on Athapaskan glottochronology. — IJAL 23, 1957.
О н же. Lexicostatistics so far. — «Current Anthropology» 1, 1960.
G. Marsh and M. Swadesh. Eskimo-Aleut correspondences. — IJAL 17, 1951.
E. Sapir. Abnormal types of speech in Nootka. — «Geological Survey of Canada Memoir» 62, 1915.
О н же. The Na-dene languages, a preliminary report. — AA 17, 1915.
О н же. Pitch accent in Sarcee, an Athapaskan language. — JSAP 17, 1925.
О н же. The Similarity of Chinese and Indian languages. — «Science» 16 Oct. 1925.
A. Sauvageot. Eskimo et ouralien. — JSAP 16, 1924.
R. Shafer. Athapaskan and Sino-Tibetan. — IJAL 18, 1952.
M. Swadesh. Diffusional cumulation and archaic residue as historical explanations. — SWJA 7, 1950.
О н же. Unaaliq and Proto-Eskimo. — IJAL 18, 1951-1952.
О н же. Athapaskan and Sino-Tibetan. — IJAL 18, 1952.
О н же. Towards greater accuracy in lexicostatic dating. — IJAL 21, 1955.

- Он же. Сообщение на конгрессе. См.: Proceedings of the 7th International Congress of Linguists (London, 1952). London, 1956.
- Он же. Problems of long-range comparison in Penutian. — «Language» 32, № 1, 1956.
- Он же. Mapas de clasificación lingüística de México y las Américas. — Cuadernos del Instituto de Historia, Serie Antropológica 8. México, 1959.
- Он же. Indian linguistic groups of Mexico, 1959.
- Он же. The mesh principle in comparative linguistics. — «Anthropological Linguistics» 1, 1959.
- J. R. Swanton. Tlingit. — HAIL, 1911.
- Он же. Haida. — HAIL, 1911.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

¹ Статья М. Свадеша, написанная в 1960 г., публикуется с некоторыми сокращениями — за счет тех разделов, где повторяются мысли, изложенные в других его работах. Некоторые детали в ходе дальнейшего исследования пересмотрены автором, но в основном статья сохраняет ценность, и автор считает возможным ее опубликовать.

² В опущенной при сокращении части статьи излагается соотношение двух моделей родства языков: диалектной сети и генеалогического древа. Этот вопрос подробно изложен в работе: M. Swadesh. The mesh principle in comparative linguistics. — «Anthropological Linguistics» 1 (1959), стр. 7—14.

³ Подробная критика гипотез П. Риве опущена при сокращении. Гипотеза П. Риве о родстве языка чон и австралийских рассмотрена в работе: M. Swadesh. Los supuestos australianos en América. В кн.: Homenaje a Pablo Martínez del Rio en el XXV aniversario de la edición de «Los Orígenes Americanos». México, 1961, стр. 147—161.

⁴ Список сокращений наименований языков см. на стр. 389—392.

⁵ Монг. *kele-* 'говорить', чуваш. *kala-š-* 'говорить' не восходят к тому же алтайскому корню, что эвен. *gun-* и эвенк. *gūne* (ср. Ramsed! KW 223). Здесь и далее М. Свадеш допускает происхождение нескольких разных алтайских корней из одного более древнего («дене-финского») корня.

⁶ Из текста непонятно, каковы предполагаемые отражения дене-финского *š. В сущности весь ряд сопоставлений данного абзаца базируется только на начальном согласном.

⁷ Сев.-кит. *й* 'дождь' восходит к др.-кит. *jju* и арх. кит. *giwo (Karlgren, A. D. № 1324; Karlgren, Gr. S. № 100a-e) и поэтому, видимо, не может возводиться к дене-фин. **w.t.*

⁸ И. Бенцинг допускает возможность происхождения эвенк. *ullə*, эвен. *ulrə* и пр. из пратунгус. *xöl-sä с суффиксом собирательности *-sä* (J. Benzing. Die tungusischen Sprachen. Wiesbaden, 1956, 69). Корень **xöl-* можно усматривать в эвенк. *ulī-*, эвен. *uli-* 'кормить', орок. *ulle-* 'быть сытым' (Василевич 438).

⁹ Сев.-кит. *cuei* < др.-кит. *ts^wię* (Karlgren, A. D. № 1110).

¹⁰ В транслитерации *pā-sap* (*pā* значит 'щека').

¹¹ Из др.-кит. *šjwät* (Karlgren, A. D. № 1138).

¹² В классическом тибетском слово *ḡdab-ma* и корень *ḡdab-* означают 'крыло' (Н. А. Ясхке. A Tibetan-English dictionary. London, 1881, 274; знак 0 означает нулевой согласный).

¹³ Более вероятно предположить, что фин. *kaula*, карел. *kagla*, эст. *kael* и ливск. *ka'ggāl* заимствованы из балтийских языков (лит. *kāklas*, лтш. *kakls*). См. Toivonen I, 173.

¹⁴ Совр. монг. *huzū* < класс. монг. *kūžügü* 'шея'.

¹⁵ Бирманское слово, означающее 'звезда' и произносимое в центральном диалекте как *še*, транслитерируется как *kray*, что отражает древнебирманское произношение (*kr-* сохраняется в араканском диалекте). Поэтому вряд ли можно сопоставлять бирм. *še* с фин. *tähti* и пр.

¹⁶ Венг. *tűz* 'огонь' не возводится к тому же уральскому корню *tule 'огонь', к которому относятся фин. *tuli*, нен. *tū* и пр. (см. Collinder, FUV 63; Collinder, С. Gr. 409; G. Bá g c z i. Magyar szőfjé tő szótár. Budapest, 1941, стр. 322). Здесь, как и в других местах, М. Свадеш допускает общее происхождение нескольких корней, различающихся в прауральском.

¹⁷ Из др.-кит. *tszu* (Karlgren, A. D. № 1102).

¹⁸ В транслитерации *tyauk*.

¹⁹ Сев.-кит. *ēn* 'встать' < др.-кит. *īam* (Karlgren, A. D. № 1162).

²⁰ Язык куки (майтхей) распространен на границе Индии и Бирмы и принадлежит к китайско-тибетской семье (по терминологии М. Свадеша — к тибето-бирманской).

²¹ Часть приведенных слов (в частности, китайское, бирманское) означает не 'стоять', а 'встать'.

²² Сев.-кит. *cüè* (в транскрипции Карлгрена *ts'o*) < др.-кит. *dz'uä* (Karlgren, A. D. № 1100) < арх. кит. **dz'wä* (Karlgren, Gr. S. № 12a). Слово это означает не 'сидеть', а 'сесть'.

²³ В транслитерации *thoŋ*.

²⁴ Венг. *név* < урал. *nime 'имя', так как между гласными урал. *m > венг. *v* (Collinder, С. Gr. 407). В южг. *niv w* восходит к *m*, в записях XVII в. (Witsen) в юкагирском еще *nim* (N. W i t s e n. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, изд. 1-е, 1692; изд. 2-е, 1705; Collinder, FUV 39).

²⁵ Любопытно совпадение с семито-хамитским каузативным аффиксом **s-*.

²⁶ А также нганасанскому языку (самодийская группа уральских языков).

²⁷ Морфемы зависимого склонения по функции соответствуют союзу *что* перед придаточным дополнителем.

²⁸ Из прауральского род. падежа на *-*n* (Collinder, С. Gr. 282).

²⁹ Ср. также и.-е. аккузатив на -*m*. Об уральском винительном на -*m* см.: Collinder, С. Gr. 284.

³⁰ Из прауральского локатива на *-*na*, *-*nä* (Collinder, С. Gr. 286).

³¹ Совр. сев.-кит. *li* 'в' < др.-кит. *lji* (Karlgren, A. D. № 529) < арх. кит. *liæg (Karlgren, Gr. S. № 978e-g). Др.-кит. *lji* означало 'внутренняя сторона одежды, подкладка' (в книге «Ши-цзин» XI—VI вв. до н. э.), 'внутренний, внутри' (в книге «Цво-чжуань», написанной в период Воюющих царств, V—III вв. до н. э.). Превращение этого корня в послелог локативного значения относится к более позднему времени.

³² Шахатинские языки — небольшая семья языков на границе штатов Айдахо, Вашингтон и Орегон (США).

³³ Имеется в виду морд. иллатив на -*s*, мар. на -*š*, саам. на -*sä*?

³⁴ Яп. *anata* — позднее новообразование, вытеснившее древнее японское местоимение *na* 'ты'.

³⁵ Из др.-кит. *ni*, которое было разговорным вариантом местоимения *nīe* (Karlgren, A. D. № 14) < арх. кит. *nīa (Karlgren, Gr. S. № 359a-b).

³⁶ Ср. также алт. *sin, представленное в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках.

³⁷ В фин. *kuka* 'кто' нет оснований видеть удвоение: здесь содержится, видимо, частица *-ka* ~ *kä*; ср. *mikä* 'что'.

³⁸ Эвенк. *ullä*, эвен. *ulrä* < пратунгус. *xöl-sä 'мясо' с суффиксом собирательности -*sa/-sä* (J. W e n z i n g. Die tungusischen Sprachen. Wiesbaden, 1956, стр. 1017); корень, видимо, тот же, что в эвенк. *ulr-*, эвен. *ulr-* 'кормить', орок. *ulle-* 'быть сытым'. Если эта этимология верна, предположение об эксфиксации гласной здесь отпадает.

³⁹ Эвенк. *ukun*, *zukun*, *zukuŋu* 'женская грудь, сосок', эвен. *ukän* и т. д., по-видимому, содержат в начале тунгус. **x-* < алт. **k-*, ср. старо-

письм. монг. *kōkun* 'женские груди, соски' (а также тюрк. *kōk* 'происхождение', тур. *kōkun* 'родина?'). Видимо, предположение об эксфиксации здесь неуместно.

⁴⁰ Хант. *yug* и манс. *yū* 'дерево', видимо, не должны стоять в этом ряду, ибо они возводятся к урал. *yuwэ (Collinder, С. Gr. 406; Collinder, FUV, 18). Урал. *yuwэ 'дерево', возможно, сопоставимо с и.-е. *ōiǵā 'ягоды, дерево с ягодами' (Walde — Pokorny I, 165).

⁴¹ Из урал. *kora (Collinder, С. Gr. 406; Collinder, FUV, 25, эст. *kōba* 'кора ели'). Различие между *q* (зувулярным) и *k* (велярным) в уральских и алтайских языках исконно не является фонологическим (да и в современных языках обычно не носит фонологического характера).

⁴² Совр. сев.-кит. *thou* (тоу) < др.-кит. *d'zu* < арх. кит. **d'u* 'голова' (Karlgren, Gr. S. № 118e; Karlgren, A. D. № 1015).

⁴³ Совр. сев.-кит. *tau* (дао) < др.-кит. *tau* 'прибыть' (Karlgren, A. D. № 975) < арх. кит. *tog (Karlgren, Gr. S. № 1132a).

⁴⁴ Имеется в виду арх. кит. **g'ian* > др.-кит. *γien* 'появиться' («Ши-цзин», XI—VI вв. до н. э.), 'видимый, явный' («Мэн Цзы», IV в. до н. э.) > совр. сев.-кит. *hien* (сянь) 'появиться, обнаружиться' (Karlgren, A. D. № 368; Karlgren, Gr. S. № 241a-d).

⁴⁵ Имеется в виду арх. кит. *kian > др.-кит. *kien* 'видеть' («Ши-цзин») > совр. сев.-кит. *kien* (цзянь) 'видеть' (Karlgren, A. D. № 368; Karlgren, Gr. S. № 241a-d).

⁴⁶ Б. Карлгрен находит в обеих формах: арх. кит. **d'wān* > др.-кит. *d'wān* > совр. сев.-кит. *uān* (дуань) и арх. кит. *twān > др.-кит. *tuān* > совр. сев.-кит. *tuān* (дуань) — одно и то же значение 'разрезать' («Ши-цзин»), а также 'решать' (Karlgren, Gr. S. № 170).

⁴⁷ Имеется в виду арх. кит. **d'iang* > др.-кит. *d'iang* 'длинный, высокий' («Ши-цзы»), 'длина' («Ли-цзи») > совр. сев.-кит. *ch'ang* (чан) и *chang* (чжан) (Karlgren, Gr. S. № 721a-e; Karlgren, A. D. № 1174).

⁴⁸ Имеется в виду арх. кит. **t'iang* > др.-кит. *t'iang* 'становиться высоким' («Мэн Цзы»), 'увеличиваться' («Ши-цзы») (Karlgren, Gr. S. № 721a-e; Karlgren, A. D. № 1174).

⁴⁹ Арх. кит. *k'an* > др.-кит. *k'an* > совр. сев.-кит. *khan* (кань) (Karlgren, Gr. S. № 142a). В современном китайском языке *кань* значит 'смотреть, видеть'. В др.-кит. *k'an* засвидетельствовано в значении 'видеть' (Хань Фэй).

⁵⁰ Нен. *nəwa* (*nəðəʒv*) < урал. *ojwa 'голова' (Collinder, FUV 44; Collinder, С. Gr. 408; T. Lehtisalo. Juraksamojedishes Wörterbuch. Helsinki, 1956, стр. 22). В ненецком языке в начале слова перед задними гласными и *əe* регулярно возникает протетическое *η* (Collinder, С. Gr. 72), и поэтому предположение о назальном префиксе для ненецких фактов излишне.

⁵¹ Дагур. *aule* и совр. монг. *ūla* соответствуют письм. монг. *ayula* 'гора'.

⁵² Манс. *ur*, *wor* 'горный хребет' родственно фин. *vuori* 'гора', и в этом слове для уральской эпохи не восстанавливается начальный заднеязычный (Collinder, FUV 126).

⁵³ Протетическое *η* отсутствует еще в общесамодийском; ср. камас. *uda* 'рука', энецк. *ura*, *uda*, селькуп. *utī* и т. д. См. прим. 50.

⁵⁴ Согласно Н. Поппе, начальное *η*- в тунгусских языках есть регулярное развитие алтайского *g- перед *n*, *l* и *r* (N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, Т. 1. Wiesbaden, 1960, стр. 23).

Энецк. *ḡāle*, эвен. *ḡal* 'рука' < тунгус. *ḡāla < алт. *gāra 'рука' (Benzing 968; Poppe 24).

⁵⁵ Такую же этимологию и.-о. **dekṛ-* и гот. *handus*, др.-англ. *hand* предлагают Турнейзен (KZ 26, 310, прим. 1) и Цулица; см. Walde — Pokorny I, 460.

⁵⁶ См. прим. 50 и 53. Ср. нен. *ḡāja* 'тело, кожа' с энецк. *ajja* 'тело', камас. *ija* 'тело'.

57 См. прим. 50.

58 См. прим. 50. Нен. *ngəbt*, фин. *hapsi*, манс. *āt* и мар. *ūr* возводятся к урал. *arṭe 'волосы' (Collinder, FUV 14; Collinder, С. Gr. 406), т.-е. в общеуральскую эпоху начальный *h* отсутствует. В венг. *haj* начальный *h* регулярно из *k-.

59 Манс. *nēlm*, венг. *nyelv*, нен. *nəmtü* и мар. *yəlmə* возводятся к урал. *ñālmā 'язык' (Collinder, FUV 43; Collinder, С. Gr. 408).

60 Из урал. *kakta ~ *kāktā 'два' (Collinder, FUV 20; Collinder, С. Gr. 406).

61 Венг. *hegy* и фин. *kasa* возводятся к фин.-уг. *kaśa, с которым сближают и юкагир. *kiē* (Collinder, FUV 86; Collinder, С. Gr. 411).

62 Совр. сев.-кит. *kuā* (гуа) 'скрести' < др.-кит. *kwat* 'скрести' < арх. кит. *kwaɪ (Karlgren, Gr. S. № 302n; Karlgren, A. D. № 862).

63 Совр. сев.-кит. *khuài* (куай) 'веселый, быстрый, острый' < др.-кит. *k'wāi* 'веселый (cheerful)', 'находить удовольствие в чем-л.', 'удовлетворять' < арх. кит. **k'wad* (Karlgren, Gr. S., № 312k; Karlgren, A. D. № 440). Судя по материалам Б. Карлгрена, семантика др.-кит. *k'wāi* не свидетельствует в пользу древности значения 'острый', которая бы позволила сопоставить это слово с нутка *kʷi*- 'точить' и т. д.

64 Совр. сев.-кит. *huē* (хо) 'жить' < др.-кит. *yuāt* 'живой, жить' < арх. кит. **g'wāl* (Karlgren, Gr. S. № 302).

65 См. прим. 63.

66 Совр. сев.-кит. *huē* (хо) 'огонь' < др.-кит. *χuā* 'огонь' < арх. кит. *χwār (Karlgren, Gr. S. № 353a).

67 Квилеут и чимакум — языки вымершей чимакумской группы языков (северо-восток штата Вашингтон, США).

68 Фин. *kerjää-*, коми. *kor-*, венг. *kér-*, удм. *kurī* < фин.-уг. **kerjś-* (Collinder, FUV 88; Collinder, С. Gr. 411).

69 Венг. *kell-* и т. д. < фин.-уг. *kelke 'быть нужным' (Collinder, FUV 87; Collinder, С. Gr. 411).

70 Совр. сев.-кит. *huān* (хуан) < др.-кит. *yuāng* 'желтый' < арх. кит. **g'wāng* (Karlgren, Gr. S. № 707a-b).

71 Фин. *kelta* 'желтизна' (откуда *keltainen* 'желтый'), видимо, заимствовано из балтийских языков (лит. *gellà* 'желтизна', 'желтуха', *geltas*, *gellónas* 'желтый', лтш. *dzeltnāns*, *dzeltnens* 'желтый') (Toivonen I, 180).

72 Энец. *kiade*, *kiare*, сельк. *kuēcal* и фин. *kajasta-* возводятся к урал. **kaja-* (Collinder, FUV 21; Collinder, С. Gr. 406).

73 См. прим. 72.

74 Совр. сев.-кит. *huēi* '(по)вернуться' < др.-кит. *yuāi* 'вращаться' < арх. кит. **g'wār* (Karlgren, Gr. S. № 542a; Karlgren, A. D. № 108).

75 Совр. сев.-кит. *huān* (хуань) < др.-кит. *γwan* < арх. кит. **g'wan* (Karlgren, Gr. S. № 256k-m).

76 Фин. *kutsu-* и саам. *goč'čo-* 'звать' < фин.-уг. *kučə (Collinder, FUV 93; Collinder, С. Gr. 412).

77 Возможно, из фин.-уг. *kujə; ср. морд. *koj* 'обычай', манс. *kajtl*, *hojtl* 'как, подобно' (Collinder, FUV 91; Collinder, С. Gr. 411).

78 Тур. *kuyruk* < общетюрк. *quduruq 'хвост', родственно монг. *qu-duruγa* 'подхвостник' (М. Рязанен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 142; Ramstedt, KW 195) и, возможно, связанного с общетунгус. *xürgü 'хвост'.

79 Нан. *huγi* и эвен. *irgə* восходят к общетунгус. *xürgü 'хвост' (Benzing 990, § 55).

80 Эвенк. *ñinakīn* < общетунгус. *ñinda-kun, где *-*kun* — суффикс (Василевич 280; Benzing 1015, § 76i; Цинц. 203).

81 Кор. *kā* 'собака' < *kai* < *kañi*, родственное монг. *γani* 'дикая, бездомная собака' и общетюрк. *qančiq 'сука' (Ramstedt, SKE 84; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, II. СПб., 1899, стр. 127—130), видимо, по-видимому, к алт. *gañi 'собака'.

⁸² Совр. сев.-кит. *këu* (狗) 'собака' < др.-кит. *kai* 'собака' < арх. кит. *ku (Karlgren, Gr. S. 108; Karlgren, A. D. 484).

⁸³ В транслитерации *k^hwe³* (со значком 3-го тона).

⁸⁴ Более обоснованной представляется общепринятая этимология фин. *koira* 'собака, самец' из урал. *koje 'самец, мужчина' (Toivonen I, 207).

⁸⁵ Эвенк. *hi-* регулярно восходит к общетунгус. **pi-*, но никогда не к заднеязычным. Видимо, включение эвенк. *hi^s* в этот ряд неуместно.

⁸⁶ Удм. и коми из 'камень' < 'жернов'? Ср. удм. *izi-*, коми *iz-* 'молоть'.

Во всяком случае в этом корне нельзя предполагать начальное урал. **k-*.

⁸⁷ Фин. *kivi*, морд. *k^hev* и венг. *kő* восходит к фин.-угр. *kiwe (Collinder, FUV 89; Collinder, C. Gr. 411).

⁸⁸ Эвенк. *hagdi* ~ *agdi* и эвен. *agžan* сопоставимы с нан. *agži* 'много', удэйск. *agdi*, ульч. *agdi* ~ *hagdi* 'большой', а по Рамстедту, также с кор. *hjek* (хёк) 'блестящий, великолепный, величественный', монг. *jeke* 'великий' (Rams'edt, SKE 62; Rams'edt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I, 73). Нерегулярность соответствий начального согласного (как внутри тунгусо-маньчжурской группы, так и между алтайскими языками) заставляет думать о заимствовании из китайского: ср. арх. кит. *χāk > др.-кит. *χvk* (в значении 'блестящий' засвидетельствовано уже в книге «Ши-цзы») (Karlgren, Gr. S. № 779a).

⁸⁹ Рамстедт допускает ранее заимствование этого корня из сино-кор. *kē* (ке) (Ramstedt, SKE 134) < др.-кит. *kju* 'великий' < арх. кит. *kjuw (Karlgren, Gr. S. № 95a).

⁹⁰ См. прим. 50.

⁹¹ Венг. *húgy* и т. д., мотор. *kunc-*, сельк. *kūža-* < урал. *kuičg 'мочиться' (Collinder, FUV 29; Collinder, C. Gr. 407).

⁹² См. прим. 91.

⁹³ Из фин.-угр. *soja или *saja 'укрытие' (Collinder, FUV 115; Collinder, C. Gr. 414).

⁹⁴ Начальное *h-*, возможно, из фин.-угр. **č-* (Collinder, FUV 81; Toivonen I, 68-69).

⁹⁵ По В. Коллиндеру, из урал. *šub³- (Collinder, C. Gr. 409), в более ранней работе Коллиндер предлагал урал. *sūdāme (Collinder, FUV 146). Любопытны южносамодийские отражения: мотор. *kejem*, тайгийск. *kejт* 'сердце' (свидетельство происхождения *š из заднеязычного?).

⁹⁶ Мар. *čoka*, коми *člk*, венг. *sok* и пр. из фин.-угр. *čokk³ (Collinder, FUV 114, 148; Collinder, C. Gr. 413; Bárczi G. Magyar szófajtó szótár. Budapest, 1941, стр. 273). Б. Коллиндер (FUV 148) сопоставляет урал. *čokk³ с алтайскими: тур. *čok* 'много' и пр. (< алт. **čok-*). Г. Рамстедт (G. Rams'edt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft I, 63) предполагает заимствование венг. *sok* из тюркских, но никак не объясняет закономерных фонетических соответствий венг. *sok* с мар. *čoka*, коми *člk*, хант. *šoh*, *šək* и пр. Поэтому этимология Г. Барци и Б. Коллиндера представляется более вероятной.

⁹⁷ Из алт. **čok-* 'много' (Ramstedt, Указ. соч., I, 63).

⁹⁸ Это слово известно как в луговом диалекте (*šuko*, шуко), так и в горном (*šuki*, шуки). Неясно, откуда М. Свадеш почерпнул сведения о его диалектном характере: об этом не пишут основные словари [У п й м а р и й (В. М. Васильев). Марий мутэр. Москва, 1926, стр. 273; С. Г. Э п и н. Горномарийско-русский словарь. Козмодемьянск, 1935, стр. 156; Марийско-русский словарь. М., 1956, стр. 731-732; T. Sebeok and V. Zepes Concordance and thesaurus of Chereemis poetic language. 's-Gravenhage, 1961, стр. 117]. Развитие мар. *š* < фин.-угр. *č закономерно, но этимология мар. *šuko*, *šuki* < фин.-угр. *čokk³ у Б. Коллиндера отсутствует.

⁹⁹ Совр. сев.-кит. *tuē* (тэ) 'много' < др.-кит. *tā* 'много' < арх. кит. *tā (Karlgren, Gr. S. № 3a-c).

¹⁰⁰ Если дагур. *sihe* 'большой, много' (S. Martin. Dagur Mongolian grammar, texts and lexikon. Bloomington, 1961, стр. 215) сопоставимо с монгол. *šGe* и широнгол. *šukö* 'большой, уважаемый, величие, много'

(A. de Smedt et A. Mostaert. Le dialecte monguor parlé par les mongols du Kansou occidental, III. Pei-p'ing, 1933, стр. 378), тогда можно думать о раннем монгольском заимствовании из корейского (сев.-кор. *šek*, ю.-кор. *hjek* 'блестящий, величественный, великий, прекрасный'), что в свою очередь может быть заимствованием из др.-кит. *γpk* 'блестящий'. См. прим. 88.

¹⁰¹ Совр. сев.-кит. *čhāŋ* 'длинный' < др.-кит. *čiang* 'длинный, высокий, долго' < арх. кит. *d'iang* (Karlgren, Gr. S. № 721a-e).

¹⁰² Фин. *hyvä*, *hyvin*, эрзя-морд. *čiv* и саам. *šuvva* восходят к фин.-угр. корню с начальным *š-; связь коми *šai* и венг. *igen* с этим корнем Коллиндер считает сомнительной (Collinder, FUV 82).

¹⁰³ Кор. *čoha*, *čohin* 'хороший' < *tjō-h-* — это заимствование из древнекитайского (Ramstedt, SKE 41).

¹⁰⁴ Сев.-кит. *sīn* (силь) < др.-кит. *siēn* 'новый' < арх. кит. *siēn (Karlgren, Gr. S. № 382k).

¹⁰⁵ В транслитерации *ras*. В отношении конечного -s транслитерация отражает древнее произношение (см. Маун Маун Ньюн, И. А. Орлова, Е. В. Пузицкой, И. М. Тагунова. Бирманский язык. М., 1963, стр. 10).

¹⁰⁶ Имеется в виду, видимо, хант. *čōkat* (шукат 'сломать', *čōk* (шук) 'кусок', манс. *sāht* 'сломать', возводимые к урал. **čukka-* (Collinder FUV, 55; Ю. Н. Русская. Самоучитель хавтуйского языка. Л., 1961, стр. 236; Collinder, С. Gr. 409), а также фин. *hukka-* 'терять, тратить', которое фонетически регулярно можно возвести к тому же **čukka-*.

¹⁰⁷ Коллиндер связывает югк. *hon-* 'ходить' с нен. *haje-~hai-*, нган. *kuana-*, энец. *kaii-*, сельк. *qən-*, *kuenna-* и камас. *kan-* 'идти' (Collinder, FUV 14), что предполагает начальное урал. **k-*.

¹⁰⁸ По И. Ангере, *kode* 'человек, муж' (Angere 120).

¹⁰⁹ По И. Ангере, югк. *toboko* 'собака' < русск. *собака* (Angere 238).

¹¹⁰ По И. Ангере, кол. югк. *kejeje* 'красный' (Angere 111). Ср. чуван. *кыйлаанй* (по Матюшкину), *keileineize* (по Бёвсингу) 'красный', омок. *ketotgos 'красный' (О. G. Tailleur. Les uniques données sur l'omok, langue éteinte de la famille youkaghire. — «Orbis» VIII, 78—108).

¹¹¹ По И. Ангере: «s. aju [Name, mit dem die Jukagiren die Russen bezeichnen] w. Heisser, Zorniger» (Angere 22). В значении же прилагательного 'горячий' приводится лишь кол. югк. *rugace* (ср. чуван. *пугучь*).

¹¹² В соответствующем значении в котском языке (родственном кетскому) присутствует корень без -n-: кот. *ašix* 'кто'. Это ставит под сомнение древность -n- в кетском.

¹¹³ Б. Коллиндер связывает югк. *kin* с урал. **ke-~*ki-* 'кто' (Collinder, FUV 24; Collinder, С. Gr. 406) и с алтайским вопросительным корнем, представленным в др.-уйгур. *kim* и монг. *ken* (Collinder, FUV 144).

¹¹⁴ Югк. *el(e)* связывается с урал. отрицанием **elä-* (Collinder, FUV 4; Collinder, С. Gr. 405) и с монг. *ülü* 'не' (Collinder, FUV 143).

¹¹⁵ Югк. *tiŋ* 'этот' связан с урал. *iä 'этот' (Collinder, FUV 62; Collinder, С. Gr. 409); его можно сближать также с алт. *te (карагас. *tet* 'тот', монг. *tere* 'тот, он', эвенк. *täli* 'тогда' — см. Collinder, FUV 146) и и.-е. *to, *iä 'этот' (Pokorny 1086).

¹¹⁶ Такое слово отсутствует в известных нам словарях (J. Angere. Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Stockholm—Wiesbaden, 1957; словарик колымского диалекта в книге Е. А. Крейновича «Юкагирский язык». М.—Л., 1958). И. Ангере приводит в этом значении 'большой' кол. югк. *soto-* и *haisce* (Angere 40—42, 172), 'много' — кол. югк. *hinej* и др. (Angere 68, 180, 181, 211, 238).

¹¹⁷ По И. Ангере, *tebie* (= *lebeje*) 'земля' (Angere 134); ср. чуван. *lewē* 'земля' (по записям Бёвсинга, см. О. G. Tailleur. Указ. соч.).

¹¹⁸ По В. Иохельсону и И. Ангере — югк. *ozi* 'вода', по О. Тайёру — *ozi* 'вода'.

¹¹⁹ См. прим. 116.

120 См. прим. 108.

121 По Й. Ангеру, кол. южг. *pie* 'гора, камень' (Angere 208); ср. омок. *pea* 'камень', чуван. *pala* 'горы' (по Матюшкину; см. O. Taillieur. Указ. соч.). Этот корень связывается с урал. *pije 'камень' (Collinder, FUV 49; Collinder, C. Gr. 408).

122 Южг. *niv* 'имя', еще в XVII в. засвидетельствованное Витсенем в форме *nim*, возводится к урал. *nime (Collinder, FUV 39; Collinder, C. Gr. 407). См. прим. 24.

123 По Й. Ангеру, кол. южг. *amun* 'кость' (Angere 14). Ср. чуван. *amun*, омок. *amna 'кость' (O. Taillieur. Указ. соч.).

124 Южг. *ana* 'рот' возводится к урал. *ang 'рот' (Collinder, FUV 68; Collinder, C. Gr. 409), которое сближают с алт. **an-* 'рот, отверстие' (Collinder, FUV 147; M. Räsänen. Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955, стр. 20; Benzing 968 и 986).

125 По В. Иохельсону, *tukne* 'nail, peg' (Angere 251). Означает ли это 'ноготь' или скорее 'гвоздь, колышек'?

126 Такое слово не обнаружено в словаре Й. Ангеру и в книге Е. А. Крейновича.

127 Кол. южг. *leu-*, *leg-* 'есть', т. южг. *leŋde-* 'есть' гипотетически связывают с урал. **ruŋkz-* (венг. *rág-* 'жевать' и др.) (Collinder, FUV 54; Collinder, C. Gr. 408).

128 Такой корень не обнаружен в словаре Й. Ангеру и в книге Е. А. Крейновича. В значении 'дым' отмечено кол. южг. *jūt*, *tūt* (Angere 106, 148).

129 Яп. *anata* — позднее новообразование, вытеснившее древнее японское местоимение *na* 'ты' (см. прим. 34).

130 Представляется более вероятным, что айн. *roni* 'кость' — заимствование из др.-яп. *rone 'кость'.

131 *Wataši* (как и *watakusi*) по происхождению — не местоименный корень, а новообразование, вытеснившее др.-яп. *a* и *wa*. Поэтому оно не может генетически сопоставляться с местоимениями.

132 Кор. *uri* 'мы' < *wuri < *huri сопоставляется с тюрк. *biz* < *bir 'мы' и маньчж. *bul*, эвенк. *bu* 'мы' (из *buŋ или *buŋe) (Г. Рамстедт. Введение в алтайское языковедение. М., 1957, стр. 70—71).

133 Производное от глагола *mota*, *motin*, *motta* 'собираться вместе' < алт. *muđ 'собираться' (откуда монг. *muži* 'провинция, население страны, др.-тюрк. *budun* 'нация' и т. д.) (Ramstedt, SKE 150 и 152). Деление *mo-tu* этимологически не оправдано.

134 Кор. *čagŋ* 'маленький' гипотетически сближают с казах. *čaqan* 'немного' (Ramstedt, SKE 18).

135 Кор. *-thop* 'ноготь' сопоставляется с ороц. *tipa* 'ноготь', монг. *tu'ur* (< *tupur) 'внутренний край копыта' (Ramstedt, SKE 284).

136 Кор. *pā* 'живот' < *pai* < алт. *pay (тюрк. *ay-lŋ* *bolmŋš* 'забеременела', яп. *hara* < *pai-ra 'живот') (Ramstedt, SKE 182).

137 Яп. *синдзō* (< кит. *сѣньцзан* 'сердце'), будучи заимствованием, не должно участвовать в генетических сопоставлениях.

138 Кор. *sim-čaŋ* (сим-дзянь) 'сердце' также заимствовано из китайского (др.-кит. *сѣт-дз'анг* 'сердце') (Karlǵren, A. D. № 1035; Karlǵren, Gr. S. № 663a).

139 Кор. *kan-čaŋ* (кан-дзянь) 'печень' — заимствование из китайского (совр. сев.-кит. *гән-цзан*, др.-кит. *kān-dz'ang*) (Karlǵren, A. D. № 1035; Karlǵren, Gr. S. № 1391).

140 Этот глагол (*магла*, *магŋн*, *макта* 'есть') сближают с уйгур. *bāk* 'наестся' и пр.

141 Кор. *klara*, *karin*, *klatta* из алт. **keŋ-* (тюрк. *kāz-* 'проходить', монг. *kerü-* 'бродить' и пр.) (Ramstedt, SKE 109).

142 Русскому глаголу *лежать* и англ. *lie* функционально соответствуют корейские глаголы *iyal*, *in*, *ida* 'быть' и *itta* < *isida 'существовать'; оба

глагола восходят к *wi и далее к алт. *bi 'быть' (эвенк. bi- 'быть' и пр.) (Ramstedt, SKE 68).

143 Кор. *tar (tāl)* 'луна' восходит, видимо, к алт. *tul- (солон. *tula* 'быть ярким, красивым, аккуратным' и пр.) (Ramstedt, SKE 251).

144 Кор. *mur* 'вода' < алт. *mör-* (ср. монг. *mören* 'пека') (Ramstedt, SKE 154).

145 Кор. *kurim* 'облако' можно гипотетически связывать с алт. *kōr- (ср.-тюрк. *körlän-* 'заволакивать облаками') или с алт. *kōf- (ср.-тюрк. *kōši-* 'покрывать') (Ramstedt, SKE 132).

146 Кор. *t'ik(w)* — производное от глагола *t'a, t'in, t'ida* 'прижигать', сопоставимо с тюрк. *ülü* 'опалить, погладить' (Ramstedt, SKE 265).

147 Кор. *pur* (пуль) < алт. *pör- 'огонь' (откуда монг. *ör* 'пламя', 'тепло от огня', тюрк. *ör-t* 'огонь, степной пожар') (Ramstedt, SKE 208).

148 Кор. *mul* (в транслитерации *mulas*) 'что' из алт. *mi- 'что' + кор. *kas* 'весь' (Ramstedt, SKE 153; Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание, 78). Алт. *mi- 'что' сближается с вопросительными местоимениями на *m- в уральских, картвельских и семито-хамитских языках.

149 Кор. *tu, tu-kä, tül* 'два', сев.-кор. *tuur* 'два' гипотетически сопоставляют с эвенк. *žur*, маньчж. *žue* 'два', ср.-тюрк. *tükä* 'теленек на втором году жизни', а также с айв. *tu* 'два' (Ramstedt, SKE 274—275).

150 См. прим. 134.

151 Кор. *sä* < *sai* 'птица' сопоставляют со ср.-тюрк. *sača* 'воробей' (< *say-čay?*), маньчж. *saisya* 'воробей' и пр. (Ramstedt, SKE 218).

152 Кор. *thar (thgl)* 'волосы, мех, шерсть, перья' сближают с тур. *tel* 'волосок, нить, проволока' (Ramstedt, SKE 282; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, III, 1080—1081).

153 См. прим. 138.

154 См. прим. 141.

155 См. прим. 145.

156 Кор. *sāro(w)* содержит корень *sai* (юж.-кор. *sä*) 'новый' < алт. *say- (монг. *say-a* 'недавно', тюрк. *sai* 'молодой') (Ramstedt, SKE 218).

157 См. прим. 143.

158 Кор. *tör* гипотетически сопоставляют с эвенк., нан. и др. *žolo* 'камень' (Ramstedt, SKE 279).

159 См. прим. 146.

160 См. прим. 132.

161 Совр. сев.-лит. *už-men* (во-мынь) 'мы' содержит корень *už* (во) 'я' < др.-лит. *ŕā* 'я, мы' < арх. лит. *ŕā (Karlgren, Gr. S. № 2a). Сопоставление этого корня с кор. *uri* < *huri не подтверждается данными истории корейского и китайского языков.

162 Сев.-лит. *šemme* 'что' — современное китайское новообразование из *ši* (ши) 'вещь' (< др.-лит. *zišp* 'десятка') + *me* (мо) 'маленькое' < др.-лит. *miū* 'маленький' (Karlgren, A. D. 876; Karlgren, Gr. S. № 17d). Это новообразование не может участвовать в генетических сопоставлениях с местоимениями.

163 См. прим. 133.

164 Сев.-лит. *tu* 'весь' < др.-лит. *tuō* 'столица' < арх. лит. *to (Karlgren, A. D. № 1187; Karlgren, Gr. S. № 45 e').

165 См. прим. 134.

166 Из др.-лит. *siū* 'маленький' < арх. лит. *siog (Karlgren, Gr. S. № 1149a).

167 Корейское и китайское слова имеют общий первый элемент, поскольку кор. *nam-ča* заимствовано из др.-лит. *nām-tsi* 'человек' ('человек' + 'ребенок'). Совр. сев.-лит. *nān-ren* < др.-лит. *nām-nižen* 'человек' (оба элемента значат 'человек') < арх. лит. *nām-nižen (Karlgren, Gr. S. № 649a, 964a, 388a).

168 Кор. *sāram (sargm)* 'человек' произведено от корня *sar-* 'жить' и сопоставляется с эвенк. *saran* 'территория поселения' и пр. (Ramstedt,

SKE 221 и 224). Совр. сев.-кит. *ren* (< др.-кит. *níjēn* < арх. кит. *níjēn* — см. Karlgren, Gr. S. № 388a) не может сопоставляться с кор. *saram*.

169 См. прим. 81.

170 Совр. сев.-кит. *kēu* (гоу) < др.-кит. *kəu* < арх. кит. *ku (Karlgren, Gr. S. № 108d).

171 Кор. *s'i* < *psi* 'семи' родственно маньчж. *fisiŋe* 'просо' (Ramstedt, SKE 231). Совр. сев.-кит. *čün-* (чжун) < др.-кит. *tšiwong* < арх. кит. *čjung (Karlgren, A. D. № 1270; Karlgren, Gr. S. № 1118d).

172 Совр. сев.-кит. *iè* < др.-кит. *iäp* 'лист' < арх. кит. *dīap (Karlgren, Gr. S. № 633d).

173 Совр. сев.-кит. *yá* < др.-кит. *nga* 'зуб' < арх. кит. *ngá (Karlgren, Gr. S. № 37a).

174 Кор. *son* 'рука' сопоставляется с маньчж. *sunža* 'пять', эвенк. *sō-ito* 'кулак' (Ramstedt, SKE 241). Совр. сев.-кит. *šēu* 'рука' < др.-кит. *šīu* 'рука' < арх. кит. *šióg (Karlgren, Gr. S. № 1101a).

175 Кор. *hul* 'язык', сев.-кор. *šl* сопоставляют с тунг. *xilñü 'язык' > нан. *sinmu* (Ramstedt SKE 61; Benzing 991). Совр. сев.-кит. *šē* 'язык' < др.-кит. *džīat* 'язык' < арх. кит. **d'iat* (Karlgren, Gr. S. № 228a).

176 Кор. *-thop* 'ноготь' сопоставимо с ороц. *tīpa* 'ноготь' и пр. (Ramstedt, SKE 284). Совр. сев.-кит. *čičiä* 'ноготь' < др.-кит. *i'šī-kap* ('палец' + 'скорлупа') (Karlgren, Gr. S. № 629; Karlgren A. D. № 1215).

177 Совр. сев.-кит. *kān* (гань) < др.-кит. *kān* < арх. кит. *kān 'печень' (Karlgren, Gr. S. № 139). Кор. *kan-čaŋ* — заимствование из китайского.

178 Кор. *tīra*, *tīrin*, *titta* 'слышать' < алт. **tül-* (эвенк. *tīl-* 'понимать', монг. *tülge* 'гадание') (Ramstedt, SKE 269). Совр. сев.-кит. *thīŋ* (тин) < др.-кит. *t'ieŋ* < арх. кит. **t'ieŋ* (Karlgren, Gr. S. № 835d').

179 Кор. *čü(k)* 'умереть' родственно эвенк. *čuku-* 'не мочь', монг. *čöke-* 'отчаяться' и пр. (Ramstedt, SKE 43). Совр. сев.-кит. *si-* < др.-кит. *si* 'умереть' < арх. кит. *šīar (Karlgren, Gr. S. № 558a).

180 Кор. *čüki-* — производное от кор. *čü(k)-* 'умереть' (см. прим. 179). Совр. сев.-кит. *tá-si* состоит из элементов *tá* (да) 'бить' и *si* (сы) 'умереть'.

181 Кор. *ančī(s)* возводится к корню *ān* 'спокойный, покой, отдыхать', заимствованному из китайского (совр.-кит. *an* (ань) < др.-кит. *ān* 'покой, спокойный' — Karlgren, Gr. S. № 146a). Совр. сев.-кит. *cue* (цэо) < др.-кит. *dž'uä* 'сидеть' < арх. кит. **dž'wä* (Karlgren, Gr. S. № 12a).

182 Кор. *sl*, *sal*, *slda* 'стоять' < алт. *se (др.-уйгур. *sār* 'разложить', маньчж. *seŋeŋun* 'поднятый') (Ramstedt, SKE 225). Совр. сев.-кит. *čän* (чжань) < др.-кит. *čam* 'встать, остановиться' (Karlgren, A. D. № 1162).

183 Кор. *san* 'гора' заимствовано из китайского (др.-кит. *šān* 'гора'). Совр. сев.-кит. *šān* 'гора' < др.-кит. *šān* 'гора' < арх. кит. *šān.

184 Совр. сев.-кит. *hēi* < др.-кит. *ŋək* 'черный' < арх. кит. *ŋmək (Karlgren, Gr. S. № 904a).

185 Кор. *sārol(w)* 'новый' содержит корень *sai* (юж.-кор. *sā*) < алт. **say-* (Ramstedt, SKE 218). Совр. сев.-кит. *sin* (синь) < др.-кит. *šjēn* < арх. кит. *šjēn (Karlgren, Gr. S. № 382k).

186 Кор. *ča* 'спать' < алт. **ča-* (тюрк. *ja-t* 'лежать в постели, спать' и пр.) (Ramstedt, SKE 17). Совр. сев.-кит. *šuei-čäu* (шуйцэо) состоит из элементов *šuei* < др.-кит. *žwię* 'спать' < арх. кит. *dwia (Karlgren, Gr. S. № 31d) и *čiao* 'спать' < др.-кит. *kaō* 'пробудиться' < арх. кит. *kōg (там же, № 1038f).

187 Кор. *sim-čaŋ* — заимствование из китайского (др.-кит. *šjəm-dž'āng* 'сердце' — Karlgren, Gr. S. № 663a; Karlgren, A. D. № 1035), совр. сев.-кит. *sin* (синь) < др.-кит. *šjəm* < арх. кит. *šjəm (Karlgren, Gr. S. № 663a).

188 О кит. *ren* < *níjēn см. прим. 168. Бирм. *lu* транслитерируется как *lū*². Вопрос о связи этих двух корней остается пока открытым.

189 Совр. сев.-кит. *kēu* (гоу) < др.-кит. *kəu* < арх. кит. *ku (Karlgren, Gr. S. № 108d). Бирм. *khwe* 'собака' (в транслитерации *khwe*³) скорее связано с другим китайским названием собаки (когда-то основным): арх.

кит. **k'iwən* > др.-кит. *k'iwən* (> совр. сев.-кит. *цюань*): ср. канаури *khuī*, тибет. *khūi* 'собака' и т. д.

¹⁹⁰ См. прим. 172.

¹⁹¹ Бирм. *i-ywet* [ojwə'] транслитерируется как *a¹rwa¹*.

¹⁹² Совр. сер.-кит. *sūě* (сюэ) < др.-кит. *χiwet* 'кровь' < арх. кит. *χiwet (Karlgren, Gr. S. № 410a). Бирм. *pwé* транслитерируется *pwé³*.

¹⁹³ Совр. сев.-кит. *fǎ* (фа) < др.-кит. *pi¹wət* 'волосы на голове' (Karlgren, A. D. № 750). Бирм. *za-pin* [zəbin] транслитерируется как *čam¹pa¹*.

¹⁹⁴ Совр. сев.-кит. *iän* (янь) 'глаз' (употребляющееся и вне сложения с *ciŋ*, цзинь) восходит к др.-кит. *ngǎn* 'глаз' < арх. кит. *ngen (Karlgren, Gr. S. 416b). Элемент *ciŋ* восходит к др.-кит. *tsiäng* 'значок' (Karlgren, A. D. № 1085). Бирм. *myet-si'* [mje' si'] транслитерируется как *myak¹ci¹*. Бирм. *myak¹* 'глаз' родственно арх. кит. *mjōk 'глаз' (> совр. сев.-кит. *my*) (Karlgren, Gr. S. № 1036a), тибет. *miḡ*, микир *ā-mek*, нага *tak* 'глаз' и пр.

¹⁹⁵ Совр. сев.-кит. *ciäu* (цзяо) 'нога' < др.-кит. *kjak* < арх. кит. *kjak (Karlgren, Gr. S. № 776). Бирм. *che* транслитерируется как *khre²*. Ср. тибет. *rkaŋ* 'нога', микир *ā-keŋ*, чин *kā-kē* и т. д.

¹⁹⁶ Совр. сев.-кит. *ling* < др.-кит. *liäng* 'шея' < арх. кит. *liäng (Karlgren, Gr. S. № 823 f). Бирм. *le-pin* [ləbin] транслитерируется как *la¹pa¹*.

¹⁹⁷ Совр. сев.-кит. *chī* (чи) < др.-кит. *k'iek* 'есть, глотать' (Karlgren, A. D. 335 и 332). Бирм. *sa* транслитерируется как *cā³*.

¹⁹⁸ В совр. сев.-кит. *thiŋ-cian* (тинцзянь) корень *thiŋ* < др.-кит. **t'ieng* 'слышать' (см. прим. 178), а корень *cian* < др.-кит. *kien* 'видеть' < арх. кит. *kian* (Karlgren, Gr. S. № 241a). Бирм. *ca* транслитерируется *krā³*.

¹⁹⁹ См. прим. 179.

²⁰⁰ В транслитерации *pe²*. Возможности связи с арх. кит. *sjər (> совр. сев.-кит. *sī*), карен. *ser*, тибет. *ši-* 'умереть', качин. *a-si* 'умереть' и пр. пока неясны.

²⁰¹ См. прим. 180.

²⁰² В транслитерации *pat¹*. Связь с тибет. *γsod-* 'убить' и с китайским корнем *цзяса*.

²⁰³ Совр. сев.-кит. *lái* (лай) < др.-кит. *lāi* < арх. кит. *læg (Karlgren, Gr. S. № 944i). Бирм. *la* (в транслитерации *lā²*) может быть связано с арх. кит. *læg и с тибет. *log-pa* 'вновь прийти, вернуться'.

²⁰⁴ Совр. сев.-кит. *rì* (жи) 'солнце' < др.-кит. *nziēt* < арх. кит. *nziēt* (Karlgren, Gr. S. 404a). Бирм. *ne* (в транслитерации *ne²*), возможно, связано с арх. кит. *nziēt и тибет. *ñi* 'солнце'.

²⁰⁵ Совр. сев.-кит. *rū* (жу) < др.-кит. *nziju* 'сосок груди' < арх. кит. *nzi. Связь с бирм. *no* (в транслитерации *no¹*) не исключена. Ср. тибет. *nu-ta* 'грудь'.

²⁰⁶ Совр. сев.-кит. *lù* (лу) < др.-кит. *luo* 'путь' < арх. кит. *glāg (Karlgren, Gr. S. № 786 l'). Бирм. *lan* транслитерируется *lam³*. Ср. тибет. *lam* 'путь'.

²⁰⁷ Совр. сев.-кит. *huāŋ* (хуан) < др.-кит. *γwāng* < арх. кит. **g'wāng* (Karlgren, Gr. S. № 707a). Бирм. *wa* транслитерируется *wā²*.

²⁰⁸ Совр. сев.-кит. *pái* (бай) < др.-кит. *b'vk* 'белый' < арх. кит. **b'āk* (Karlgren, Gr. S. № 1044a). Бирм. *phyu-* транслитерируется *phrū²*.

²⁰⁹ См. прим. 185.

²¹⁰ Бирм. *pit* [θi'] транслитерируется *pac¹*. Неясно, есть ли здесь связь с арх. кит. *siēn или с тибет. *γsar-* 'новый' или *so-* 'новый'.

²¹¹ Совр. сев.-кит. *hǎu* < др.-кит. *χǎu* 'хороший, любить' < арх. кит. *χōg (Karlgren, Gr. S. № 1044a). Бирм. *kaun* транслитерируется *kaun³*.

²¹² Совр. сев.-кит. *üan* (юань) < др.-кит. *jiwān* < арх. кит. *giwan (Karlgren, Gr. S. № 227c). Бирм. *wain* транслитерируется *woŋ³*.

²¹³ Совр. сев.-кит. *chāŋ* (чан) < арх. кит. **d'iang* (Karlgren, Gr. S. № 721a). Бирм. *še-* транслитерируется *rhañ¹*, ср. тибет. *riŋ* 'длинный'.

²¹⁴ См. прим. 182.

215 Бирм. *tha* (в транслитерации *tha*¹) значит не 'стоять', а 'подняться, встать'. Такое же значение имело и др.-кит. *šam* (> совр. сев.-кит. *šan* (чжань) 'стоять').

216 Совр. сев.-кит. *šī* (ши) < др.-кит. *zjāk* < арх. кит. *djāk (Karlgren, Gr. S. № 795a). Бирм. *šauk* транслитерируется *kyauk*³.

217 Эту связь допускает и Г. Рамстедт (Ramstedt, SKE 274—275).

218 В кор. *khī-ta* 'быть большим' *ta* 'есть' суффикс прошедшего времени (глаголы и прилагательные записываются в словарях в форме прошедшего времени). Корень *khī* < *khū, *kū восходит, по предположению Г. Рамстедта, к *ka-wi* или *ka ha-* 'быть большим', где *ka* — заимствование из древнекитайского (Ramstedt, SKE 134). Совпадение с нан. *kāta*, видимо, случайно.

219 Нан. *ngonimi* < тунг. *ŋōli-mi* 'длинный' (Benzing 1038, § 104f). Тунг. *ŋ- < алт. *g- перед *l*. Неясна связь с алт. *kola 'далекий' (N. Рорре. *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen*, 98).

220 Из нан. *husə* 'мужской' и *nay* 'человек'. Нан. *nay* < тунг. *niārābi 'человек' (Benzing 986).

221 См. прим. 220.

222 Нан. *mō* < тунг. *mo (или **mou?*) 'дерево (Holz)' (Benzing 971, § 30).

223 Нан. *horakta* 'кора' и эвен. *urta*, *orta* 'кора' возводимы, видимо, к тунг. *xora-kta 'кора', имеющему широкие параллели в алтайских, уральских, индоевропейских и других языках (ср. тюрк. *kāz* 'кора' < *kāf, фин. *kuori* 'кора, кожа' — см.: М. Räsänen. *Uralaltaische Wortforschungen*, 29; и.-е. *(*s*)/*ker-* 'сырая кожа' — см. Walde-Pokorny II, 565 и т. д.). Однако вряд ли можно установить здесь связь с кор. *k'op'ir*, скорее сопоставим с урал. *kora > эст. *kōba* 'кора' — Collinder, FUV 25; Collinder, S. Gr. 406; с алт. *kabūl 'сдирать кожу, кору' (N. Рорре. *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen*, 48), может быть, с яп. *kawa* 'кора' и пр.

224 Кор. *p'ur* 'por' (< др.-кор. *spur*, *spir*) сопоставляется с улч. *sō-fōrie* 'имеющий колючки', тур. *sifru*, *sivri* 'острый, остроконечный' и пр. (Ramstedt, SKE 208—209).

225 Нан. *huugu* < тунг. *xūrgū* 'хвост' (см. прим. 79).

226 Нан. *dəgdəə* 'крыло, перо', эвенк. *dəla*, эвен. *dəktəhə*, маньчж. *dətχə* 'перо, крыло' — производные от пратунгусского корня, представленного в эвенк. *dəg-* 'лететь' и эвенк. *dəgi* 'птица'.

227 Кор. *nun* сопоставляется с монг. *nidün* 'глаз' (Ramstedt, SKE 172). Нан. *nasa-l* < тунг. *iāsa (Benzing 973, § 33).

228 См. прим. 175.

229 Кор. *tok* родственно эвенк. *tuksa* 'шкура на шее оленя' (Ramstedt, SKE 150). Нан. *toŋon* < тунг. *toŋan* 'шея, горло' (Benzing 971, § 30).

230 Нан. *otio-ri*, видимо, восходит к алт. **um-* (монг. *umda* 'напиток', эвенк. *um-* 'пить', маньчж. *omi-* 'пить' и т. д.).

231 Это сопоставление содержится также у Рамстедта (Ramstedt, SKE 154).

232 См. прим. 178.

233 Нан. *dōlzi* < тунг. *dōldi 'слышать' (В. И. Цициус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, стр. 207; Benzing 994, § 58).

234 Родство этих слов допускает и Рамстедт (Ramstedt, SKE 279).

235 Нан. *sikūn* < тунг. *zirkā-kūn (Benzing. 991, § 55). Предположение о родстве с кор. *sāro(w)* (< алт. **say-*) отпадает.

236 См. прим. 181.

237 Нан. *tə-si-* содержит корень *tə-* < тунг. *tägū 'есть, встать с постели' (Benzing 978, § 41b) и суффикс (интенсив?) *-su-* (там же, 1067, § 130).

238 Нан. *šava-kta* значит не 'ноготь', а 'коготь'. Это слово связано с нан. *šaval-šaval* 'делать движения пальцами, стремясь схватить', эвенк. *šavari-* 'хватать, схватить когтями'. Связь с алт. **tup-* (> кор. *thop*) 'ноготь' на алтайском уровне не усматривается.

239 Нан. *bəgzi* 'нога', возможно, из тунг. *bəgdi (негидал., ороц. и

удэйск. *bəgdī*, очок. *budd'i* и т. д. — В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, стр. 166).

²⁴⁰ Фин. *minä*, *uo*, *iämä* и *kuka* возводятся соответственно к урал. *minä ~ *mina, *lo, *ta-, *ku- (Collinder, С. Gr. 407 и 409). Генетические связи этих корней с индоевропейскими корнями сейчас, в связи с установлением уральско-индоевропейских фонетических соответствий, подаются строгому доказательству.

²⁴¹ Фин. *moni*, по Б. Коллиндеру, восходит к заимствованию из индоевропейских языков (Collinder, FUV 133).

²⁴² Фин. *ihminen* 'человек', вепс. *iñehmoi*, эст. *inimene* 'человек' и др. родственны эрзя-морд. *inže*, мокша-морд. *indži* 'чужой', 'гость' и, возможно, нен. *ñeñets* 'человек', энецк. *enneťe* 'человек' и пр. (Toivonen I, 102). Предположение о связи с и.-е. *manu-s или *monu-s 'человек' (> англ. *man*) обосновательно.

²⁴³ Фин. *siemen* может быть заимствованием из индоевропейских языков.

²⁴⁴ Фин. *korva* имеет, видимо, прафинноугорское происхождение (ср. саам. *goar've* 'ушной хрящ', удм. *kvar* 'лист', коми *kor* 'лист' (Toivonen II, 221)).

²⁴⁵ Фин. *kuul* < урал. *kulę или *kūlę (Collinder, FUV 93; Collinder, С. Gr. 412).

²⁴⁶ Фин. *nenä* восходит к корню, распространенному в прибалтийско-финских и саамском языках (саам. *njuone* и пр.) (Toivonen II, 372—373).

²⁴⁷ Фин. *käsi* < урал. *käte (Collinder, FUV 87; Collinder, С. Gr. 411).

²⁴⁸ Корень, содержащийся в фин. *niska* 'шея', известен лишь в прибалтийско-финских языках (а также в саамском, где он заимствован из финского) (Toivonen II, 385). Англ. *neck* < и.-е. **kneg-*, **knek-* 'затылок' (др.-ирл. *snoc*, валл. *cnwch*, др.-англ. *hnecca*). Связь между прибалтийско-финским и индоевропейским корнями весьма сомнительна. Если допустить соответствие и.-е. *kn = урал. *ñ = алт. *ñ- (в начальном положении), тогда, пожалуй, можно ставить вопрос о сближении и.-е. **kneg-*, **knek-* 'затылок' с урал. *ñakkę 'затылок' и алт. **ñak-* 'горло' (и, может быть, с семит. *hnk 'горло').

²⁴⁹ По Тойволену, фин. *istua*, родственное морд. *ozams* 'садиться', членится на корень *is-* и суффикс *-tu-* (Toivonen I, 109). Если эта этимология верна, сближение с и. е. **sed-* снимается.

²⁵⁰ Фин. *iähii*, родственное эрзя-морд. *tešte* и мокша-морд. *iʔašte*, восходит, видимо, к фин.-уг. *iäštę. И.-е. *aster (> англ. *star*), по видимому, является семитским заимствованием (см.: В. М. Иллич-Свитыч. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. — «Проблемы индоевропейско-семитского языкознания». М., 1964, стр. 6—7).

²⁵¹ Фин. *vesi* < урал. *wete (Collinder, FUV 67; Collinder, С. Gr. 409). Сопоставление с и.-е. **wed-* представляется вполне справедливым.

²⁵² Фин. *pala* 'гореть' < фин.-уг. **pala-* (Collinder, FUV 106; Collinder, С. Gr. 413). Этот корень, может быть, сопоставим с и.-е. **pol-/plē-/plō-* 'гореть' (Walde—Pokorny II, 59—60), но вряд ли с и.-е. **bh(e)reu-* 'быстро двигаться, кипеть' (Pokorny 144), откуда гот. *brinnan* и англ. *burn* 'гореть'.

²⁵³ См. прим. 71.

²⁵⁴ Фин. *kylmä* 'холодный', видимо, возводимо к фин.-уг. *kūlmę или *kūlmę* (ср. саам. *kalmas* 'холодный', эрзя-морд. *kʔelʔmʔe*, мар. *kälme*, удм. *kin(m)* и пр.—Toivonen II, 254). Сближение этого корня с и.-е. **kel-* 'холодный' (Walde—Pokorny I, 429) и **gel-* 'холодный' (откуда англ. *cold*; Walde—Pokorny I, 622) вполне правомерно.

²⁵⁵ Сближение урал. *nime 'имя' (> фин. *nimi*) с и.-е. *nōmę ~ **en(o)mp* 'имя' представляется справедливым. Ср. также шумер. *inim* 'слово' (и ял. *namae* 'имя', если разложение на *na-* 'имя' и *mae* 'вперед' — позднее пересмыслению).